

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

КОГДА ГОРИТ
ВОДА

Сергей КУЛАКОВ

Сергей Кулаков
Когда горит вода

«ЭКСМО»

2009

Кулаков С. Ф.

Когда горит вода / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2009

Щедрость и благородство – хорошие качества, но способность превращать воду в горючее ценится куда выше! Американский профессор хотел как лучше: подарить вьетнамскому народу, с которым он когда-то воевал, уникальный источник дешевого топлива и тем самым искупить свою вину. Но шила в мешке не утаишь: в пещеру-лабораторию, затерянную в непроходимых джунглях, уже спешат вооруженные до зубов люди в камуфляже. Они понимают, что мирное изобретение легко может стать оружием массового террора. Заинтересовались новой разработкой и российские спецслужбы. Задача у тех и других одна: убрать свидетелей, выкрасть ученого и чертежи устройства...

© Кулаков С. Ф., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Неделей позже, Вьетнам, Ханой	10
США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ	14
16 июня, Таиланд, Паттайя, 15.30	16
16 июня, Таиланд, Паттайя, 19.20	22
16 июня, Таиланд, Паттайя, 21.10	28
16 июня, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ, 12. 20	35
17 июня, Таиланд, Паттайя, 0.40	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Кулаков

Когда горит вода

Стены пещеры были гладки и отливали то малахитом, то бирюзой, – в зависимости от того, под каким углом на них посмотреть. Но ближе к сходящемуся куполом потолку они становились темно-серыми и совсем уж чернели в самом верху, который вздымался над землей не меньше, чем на три десятка метров. Черным купол казался еще и потому, что лампы, установленные по всему периметру пещеры, освещали только нижнюю ее часть, где находились лаборатория, оборудование и жилой отсек. А в потолок светить – какая надобность? Туристов здесь не водилось, а мощности двух попеременно работающих электрогенераторов и так еле хватало на жизнеобеспечение всего довольно сложного научно-исследовательского хозяйства пещеры и людей, за этим хозяйством приглядывающих.

Сегодня пещера принимала гостей – троих вьетнамцев. Один из них, пожилой, круглолицый, в генеральской форме, сидел за столом, поставленным на возвышение у стены. По обе стороны от него вытянулись в струнку двое офицеров. Все трое внимательно следили за тем, что происходит внизу. Один из офицеров держал в руках видеокамеру, второй приготовился делать отметки в блокноте.

– Начинайте, мистер Брэксмар, – отрывисто сказал генерал на хорошем английском.

Стоявший возле странного вида установки высокий старик с бледным, носатым лицом и клочковатыми бакенбардами кивнул.

– Включай, Фам, – приказал он своему помощнику, коренастому, мускулистому вьетнамцу.

Фам, поблескивая голым черепом, защелкал клавишами компьютера. Что-то загудело в установке, послышалось журчание бегущей по трубам жидкости.

– Сейчас мы производим забор воды, – комментировал мистер Брэксмар. – Вода набирается прямо из залива. Вот по этой трубе она попадает в первую камеру синтезатора, где происходит дифференцирование молекул по системе Кларка...

– Это чистая вода, профессор? – спросил генерал.

– Да, генерал, – сказал Брэксмар, – это чистая морская вода.

Он подчеркнул слово «морская», подняв при этом указательный палец, и генерал понимающе кивнул.

Один из офицеров быстро писал в блокноте, второй фиксировал все происходящее на камеру.

Профессор Брэксмар, проверив датчики и обменявшись с Фамом несколькими короткими фразами, продолжил комментарий.

– После того как вода проходит через первую камеру, – говорил он, делая размашистые жесты, – она через систему труб попадает во вторую камеру. Строго говоря, это уже не совсем вода, потому что после прохождения первой камеры с ней происходят необратимые структурные изменения. Я понятно излагаю, генерал?

– Можно без технических подробностей, – ответил генерал. – Я думаю, все это есть в документации.

– Да, это, безусловно, есть в документации, – согласился профессор. – Вы правы, я напрасно теряю ваше время. В общем, отбросив сложную терминологию, вода, пройдя поступательно все четыре камеры синтезатора, перестает быть водой и превращается в топливо, не уступающее по своим горючим и энергетическим качествам бензину с октановым числом двадцать восемь. Но со временем, внося некоторые усовершенствования, это число можно повысить до семидесяти шести и даже до девяносто двух.

Генерал недоверчиво прищурил узкие глазки.

– Сейчас я вам все покажу, – торопливо заговорил Брэксмар. – Я понимаю, мои предыдущие опыты вас не впечатлили. Но за минувший год мне удалось добиться значительных сдвигов... Фам, ты готов?

Фам, повернув на секунду голову, кивнул.

– Тогда по моей команде.

Брэксмар подскочил к четвертой – последней – металлической емкости, проверил показания датчиков, подкрутил один из вентиляей.

– Давай! – крикнул он.

Фам защелкал клавишами. Послышался нарастающий гул, емкость задрожала. Оба офицера тревожно переглянулись, тот, что снимал, опустил камеру. Гул заполнил своды пещеры, вызывая неприятное ощущение, предупреждающее, что стены сейчас обрушатся и погребут под собой и генерала, и установку, и самого профессора.

Брэксмар что-то прокричал, махая рукой, но что – из-за гула не разобрать. Один из офицеров тронул генерала за плечо, и когда тот поднял глаза, указал рукой на выход. Генерал сердито отмахнулся и ткнул пальцем в камеру – делай, мол, свое дело.

Устыдившись, офицер поднял камеру, ловя в видискатель суетящегося возле установки высокого старика, который не обращал на грозящую опасность ни малейшего внимания и азартно проверял показания датчиков, делая Фаму быстрые, загадочные знаки.

Гул меж тем начал затихать. Через минуту в пещере снова стало тихо, установка гудела равномерно и уже совсем не пугающе.

– Все, генерал, – сказал Брэксмар, – синтез окончен. Извините за этот шум, я заставил вас поволноваться...

Генерал махнул рукой.

– Все в порядке.

– Я в десять раз увеличил мощность последней фазы синтеза, – пояснил Брэксмар, – из-за этого в несколько раз усилилась вибрация. Это, конечно, небезопасно, но, если говорить упрощенно, благодаря увеличению мощности я добился того, что на последнем этапе трансформации из несовершенного вещества, можно сказать сырца, появляется практически готовое к употреблению горючее.

– Вы хотите сказать, что вода, которую вы набрали из залива, может теперь гореть... как бензин? – спросил генерал.

– Не совсем, как бензин, – засмеялся профессор. – Но тем не менее она горит.

– Покажите, – без улыбки потребовал генерал.

При этом он покосился на офицера с камерой: снимай каждую мелочь!

– Хорошо, – посерьезнел Брэксмар. – Фам, налей нам немного водички.

При этом глаза его лукаво блеснули, но, покосившись на хмурого генерала, он сдержался.

Фам выбрался из-за компьютера, взял пластмассовое ведро, открутил кран в четвертой камере и налил на дно прозрачной жидкости.

Генерал при этом невольно потянул носом.

– Ничем не пахнет, – весело сказал Брэксмар. – Можете сами понюхать. Экологически это идеально чистое топливо. Конечно, при сгорании выделяется некоторая часть токсинов, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что выбрасывают в атмосферу бензин, керосин или их различные производные.

Поколебавшись, генерал спустился с возвышения и осторожно понюхал жидкость. Оба офицера по пятам следовали за ним и тоже поочередно сунули плоские носы в ведро. По лицам всех троих было видно, что они удивлены.

– Это та же самая вода, – сказал генерал, озвучивая мысли своих подчиненных.

– По виду – да, – согласился Брэксмар. – Но по сути это уже совсем не вода. Впрочем, сейчас вы увидите.

Он взял ведро у Фама и плеснул из него на стену. Прозрачная жидкость потекла по камню, и стало видно, что это уже совсем другая субстанция, отличная от воды. Обыкновенная вода, пусть себе даже и морская, мгновенно стекает по камню, быстро впитываясь в пористую поверхность. Жидкость же из ведерка была гуще, маслянистей и в свете ламп отливала серебристым металлическим блеском. И капли срывались с выступа медленно, тяжело.

– Фам! – сказал профессор.

Его молчаливый помощник достал зажигалку, чиркнул, выждал несколько секунд и поднес огонек к темному пятну на камне.

Генерал невольно поднял руку и отклонился.

– Это не опасно, генерал, уверяю вас, – быстро произнес профессор.

Пятно вспыхнуло, над огнем поднялось белое облачко. У офицера с блокнотом вырвалось громкое восклицание. Но генерал этого не заметил, настолько был поражен увиденным.

– Оно... горит, – сказал он, взглянув на Брэксмара.

– Да, – подтвердил тот. – Горит. И уже давно. Но это не главное. Оно – или акванон, как я назвал этот новый вид топлива – пока не работает так эффективно, как хотелось бы. Вот, видите.

Профессор указал на пятно. Пламя, столь задорно вспыхнувшее, уже погасло. И только легкий дымок указывал на то, что разлитая по камню жидкость еще выделяет какую-то часть тепла.

– Фаза чистого горения занимает примерно втрое меньше времени, чем у бензина, – сообщил Брэксмар. – То есть акванон пока не слишком годится в качестве основного топлива для двигателей. Хотя, если под рукой нет углеводородов, любой ДВС может работать на акваноне от нескольких минут до часа, в зависимости от марки двигателя...

– Покажите, – снова потребовал генерал.

Брэксмар обернулся к Фаму.

Тот кивнул и неторопливо направился к генератору.

– Прошу вас, генерал, пройдемте сюда, – пригласил профессор. – Это один из наших генераторов. Сейчас в нем нет горючего. Фам, будь добр, продемонстрируй господину генералу.

Фам постучал ключом по топливному баку генератора. Бак ответил пустотелой гулкойстью. Для убедительности Фам открутил топливный шланг, показывая, что бак совершенно пуст.

Генерал отдал короткое приказание одному из офицеров, который держал в руках блокнот. Тот тщательно проверил генератор на наличие второго, тайного бака, и покачал головой.

– А теперь мы зальем в бак акванон, который только что был изготовлен на ваших глазах, – сказал Брэксмар, сдерживая лукавую улыбку. – Вы позволите, генерал?

– Давайте, – бросил генерал.

– Фам.

Молчаливый помощник профессора набрал из четвертой камеры синтезатора полное ведро (оба офицера по знаку генерала тщательно обнюхали содержимое ведра) и неторопливо перелил его в бак генератора. Генерал терпеливо ждал, внимательно наблюдая за действиями Фама. Время от времени он косился на снимающего офицера, указывая ему едва заметным движением бровей, на что следует обратить особое внимание.

– Предупреждаю, генерал, будет дымно, – сказал Брэксмар. – Генератор проработает совсем недолго, и Фаму придется потом долго отлаживать карбюратор...

– Включайте, – потребовал генерал.

Брэксмар кивнул Фаму. Тот щелкнул тумблером и, чуть помедлив, нажал кнопку пуска.

Двигатель захрипел, закашлял, вместо привычного ровного гудения послышался прерывистый треск. Из-под кожуха потянуло густым белым дымом, в котором, казалось, двигатель

окончательно захлебнется. Но нет! Треск постепенно выровнялся, хотя хрипы и кашель не прекращались. Генератор натужно, с трудом, но РАБОТАЛ. Прошла минута, вторая – он все еще не смолкал. Правда, сбои участились. Дым повалил гуще, отдавая какой-то сладковатой тухлятиной. Однако гостей это не смущало. Они зачарованно смотрели на работающий генератор. Им казалось, что попали в пещеру чародея, и они благоговейно вдыхали этот ни с чем не сравнимый аромат.

– Фантастика! – сказал генерал, задрал изумленное личико к Брэксмару.

– Никакой фантастики, генерал, – отозвался тот, явно довольный произведенным эффектом. – Голая наука, и только. В принципе, человечество рано или поздно пришло бы к чему-нибудь подобному. Просто мне удалось это сделать первым. Впрочем, говорить о полном успехе несколько преждевременно.

Двигатель начал чихать все громче и вскоре совсем затих.

– Как видите, над акваномом еще надо хорошенько поработать, – машинально глянув на часы, сказал Брэксмар. – Сейчас его хватило на семь минут. Еще полгода назад он едва заводил двигатель. Если провести ряд дополнительных исследований, то, я думаю, вскоре он сможет работать не хуже бензина...

– Сколько вам потребуется времени, профессор? – перебил его генерал.

– Думаю, еще с полгода придется повозиться, – пожал плечами Брэксмар. – Ну, или год. В зависимости от того, насколько верно будет выбрано направление. И мне понадобится кое-что из оборудования. Что именно – я указал вот на этом диске.

– Хорошо, – кивнул генерал, забирая диск. – Работайте. Все необходимое будет доставлено в самые короткие сроки. А может, вы хотите перебраться ближе к цивилизации? Мы готовы предоставить вам лабораторию в любом городе...

– Нет, благодарю. Меня здесь все устраивает.

– Может быть, вам нужны помощники?

– И в этом я не нуждаюсь, – улыбнулся Брэксмар. – Мы с Фамом вполне справляемся вдвоем.

Генерал помолчал, покачиваясь на каблуках.

– Тогда я распоряжусь усилить охрану. Пожалуй, теперь это не помешает.

– Вы же знаете мои принципы, генерал, – резко возразил профессор. – Я не могу работать в окружении армии охранников. Их здесь и так слишком много...

Он сделал раздражительный жест. Бледные его щеки пошли розовыми пятнами, глаза сверкнули.

– Хорошо, хорошо, – сразу же сдался генерал. – Мы помним ваши принципы, профессор. Никто не собирается их нарушать. Можете спокойно работать.

– Благодарю, – кивнул, быстро остывая, Брэксмар.

– Есть какие-либо личные просьбы? – поинтересовался генерал.

– Нет.

Брэксмар и генерал посмотрели друг на друга – и губы генерала тронула едва заметная улыбка. То, чему он стал свидетелем, было одним из величайших событий в истории человечества. Мир если и не повернет вспять, то уж точно встанет на дыбы. И тем удивительнее казалось поведение профессора. Он мог бы требовать за свое открытие все, что угодно, и получил бы это незамедлительно. Но чудак отличался монашеской скромностью. Джинсы на нем были заношены чуть не до дыр, а дужка старомодных очков замотана скотчем.

«Или я чего-то не понимаю, – подумал генерал, – или он еще скажет свое слово».

– Желаю удачи, профессор.

– И я желаю вам того же, генерал.

Со стороны эта пара представляла собой забавное зрелище. Рослый широкоплечий европеец с длинным и угловатым, точно вырубленным из куска скалы лицом, и низенький круглолицый азиат, похожий на пожилую обезьянку.

Впрочем, обоим было сейчас не до забавы.

Через двадцать минут над горным хребтом, густо поросшим непроходимыми джунглями, поднялся гидроплан и взял направление на север.

– Ну что, Фам, – рассеянно сказал профессор Брэксмар, глядя вслед гидроплану, – кажется, мы с тобой имеем право на стаканчик виски?

Они стояли у каменной отмели, спускающейся к узкому серпообразному заливу. Наверх тянулся крутой склон. Его сплошь покрывали заросли кустарника, идеально маскируя вход в пещеру. Где-то в кустах сидели охранники, но профессор Брэксмар сейчас о них не думал. Он пристально смотрел на зеленоватую воду залива, и по лицу его было видно, что мысленно он сейчас находится очень далеко, а визит генерала остался для него не более чем эпизодом, одним из многих в его долгой жизни.

Крикнула чайка – и профессор очнулся. Он с улыбкой глянул на Фама, невозмутимо ожидающего, когда можно будет вернуться в пещеру.

– Пойдем, дружище, – опустил профессор руку на мускулистое плечо помощника. – Выпьем виски, пообедаем и примемся за работу. Кажется, у меня появилась одна любопытная идея.

Неделей позже, Вьетнам, Ханой

Трое мужчин сидели вокруг квадратного столика, инкрустированного перламутром. Перед ними стояли пиалы с чаем, сладости, лежала коробка сигар.

Двое были одеты в военные мундиры, носившие генеральские знаки отличия. Третий был в строгом костюме цвета маренго, в белоснежной сорочке и в модных очках и представлял, без сомнения, элитную чиновничью когорту, имеющую по всему миру схожие вкусы в одежде, в причёске и в манерах.

– Еще чаю, господин Ву?

– Благодарю вас, генерал Нгок, – наклонил разделенную аккуратным пробором голову чиновник.

Генерал Нгок, сидевший между господином Ву и другим генералом, поднял старинный фарфоровый чайник и налил зеленого, пахнущего жасмином, чая в пиалу своего штатского соседа. То, что он сам обслуживал гостя – а дело происходило в кабинете Нгока, – говорило об огромном уважении, которое он к нему питал.

– Вы очень любезны, генерал, – поблагодарил тот.

– Не стоит благодарностей, господин Ву. Берите сигару, прошу вас. Это из Кубы, посылка от моего старого друга.

– Спасибо, генерал. Я не курю.

– Это не от Хуана ли? – спросил веселым голосом второй генерал, плечистый крепыш с головой, густо усыпанной сединой.

– От него самого, генерал Фьонг, – подтвердил с улыбкой Нгок.

– Ты смотри-ка, помнит старых друзей, – приятно удивился Фьонг.

– Ну, еще бы не помнить, – возразил Нгок. – После того, что мы вместе пережили.

– Да, славные были денечки, – закатил глаза генерал Фьонг.

Господин Ву мелкими глотками прихлебывал чай и терпеливо ждал, когда старые вояки покончат с воспоминаниями.

Генерал Нгок перевел взгляд на гостя, спохватился, подавил улыбку.

– Итак, господин Ву, что вы скажете о нашем проекте? Он вас заинтересовал?

– Надо подумать, господин генерал, – ответил чиновник, скрывая взгляд за стеклами очков.

– Как долго вы собираетесь думать? – осведомился генерал.

– Это, как вы понимаете, требует некоторого количества времени. Информация, полученная мной, довольно неожиданна. Она требует детального изучения. Кроме того...

– Да? – обратился в слух генерал Нгок.

Генерал Фьонг не спеша выбрал сигару, раскурил с ухватками заядлого курильщика, выпустил густое облако дыма. Но глаза его неотрывно следили за выражением лица господина Ву.

– Кроме того, меня несколько смущает завеса секретности, которой вы окружили ваш проект, – закончил тот свою мысль.

– Но, господин Ву, – мягко улыбнулся генерал Нгок. – Как вы сами понимаете, проект имеет колоссальные перспективы. Достижения профессора Брэксмара уже впечатляют. А что будет, когда он усовершенствует свой синтезатор?

– Будет ли это вообще, вот в чем вопрос? – с кривой улыбочкой проговорил господин Ву. – И потом, все это напоминает... э-э... некий фокус, что ли. Обычная вода – и вдруг горит. Не знаю, не знаю....

– Но я же показывал вам запись, – развел руками Нгок. – Вы видели: я сам присутствовал при эксперименте. И мои ассистенты тоже. Все было проверено лично мной. Никакого обмана, уверяю вас. Да и...

Он помолчал, выбирая слова.

– Профессор не тот человек, чтобы вводить нас в заблуждение, господин Ву. Это настоящий ученый, чудак, который жаждет принести пользу человечеству. Кроме его работы, ему ничего больше не нужно. Такие люди не умеют хитрить, понимаете меня?

Господин Ву еле заметно покачал головой.

Генерал Фьонг недовольно нахмурился. Этот штатский с самого начала вызывал его сомнения. Но без него в задуманном деле не обойтись, поэтому приходилось терпеть. Генерал Фьонг сделал глубокую затяжку и с силой выпустил дым.

– Скажите, генерал Нгок, – не замечая недовольство Фьонга, спросил господин Ву, – а почему вы не сделаете доклад о вашем профессоре на пленуме? По-моему, это дело государственной важности, и нет смысла утаивать его от руководства партии и страны. Более того, это в известной степени незаконно.

Оба генерала быстро переглянулись. Они ждали этот вопрос и были готовы к нему. Но как отреагирует господин Ву, услышав ответ?

Тот, между тем, ждал, наклонив голову. Его тонкая шея, когда он так сидел, выдавала возраст. Он был не моложе обоих генералов, и только тщательный уход за собой, вегетарианская диета и отказ от вредных привычек позволяли ему дистанцироваться от своих лет. И потом, мало кто знает, как незаменима порой бывает для мужчины краска для волос.

– Видите ли, господин Ву, это долгая история, – начал генерал Нгок.

– Ничего, господин генерал, я не тороплюсь, – сказал гость.

В подтверждение своих слов он поднял пиалу и сделал крошечный глоток чая. И тщательно покатал его во рту, прежде, чем проглотить.

– Дело в том, – сказал генерал Нгок, – что с профессором Брэксмаром мы знакомы очень давно.

– Вот как?

– Да, – подтвердил генерал. – Только тогда он не был профессором. А я не был генералом. Я командовал ротой и носил звание капитана.

– Вы говорите о войне с американцами? – уточнил гость.

– Именно так, господин Ву. О войне с американцами... Шел второй год войны. Мы несли тяжелые потери. Янки оттесняли нас все дальше. Нам приходилось очень нелегко.

– Да, я хорошо помню историю той войны, господин генерал, – сказал господин Ву.

– Питер Брэксмар, – перешел к сути Нгок, – тогда студент Чикагского университета, был во Вьетнам добровольцем. Он был уверен, что должен защищать принципы демократии. В первом же бою он был ранен и попал в плен. Он мог бы умереть, поскольку был слаб и неопытен. Но я помог ему выжить. Он пробыл в плену шесть месяцев и за это время многое увидел и многое понял. А потом его в числе прочих обменяли на наших пленных. Долгие годы я о нем ничего не слышал. И вот, спустя четыре десятка лет, он нашел меня и предложил к рассмотрению свой проект.

– Любопытно, – пробормотал господин Ву.

– Вы о том, что он нашел меня?

Господин Ву кивнул.

– Да, я сам был немало удивлен. Но еще больше поразился, когда он познакомил меня со своим проектом. Делать из обычной морской воды горючее – это очень смелая идея. Разумеется, я знал, что в этом направлении ведутся активные изыскания. Существуют различные смеси воды и бензина, и им пророчат большое будущее. Но все это требует громадных затрат

и равно не освобождает человечество от нефтяной зависимости... Впрочем, господин Ву, вы, как специалист в этой области, знаете о данной проблеме больше меня.

Господин Ву согласно наклонил голову.

– Меня поразила смелость и масштабность проекта профессора Брэксмара, – продолжал генерал Нгок. – Если бы он сумел воплотить его в жизнь, наша страна получила бы поистине неисчерпаемые богатства.

– Почему он пришел к вам? Почему вообще он решил облагодетельствовать именно Вьетнам?

– Он объяснил. Он разочарован американской демократией. Эти захватнические войны во имя нефти, этот грабеж всего мира идут вразрез с его нынешними принципами. Он хочет дать миру самое дешевое и самое экологически чистое топливо, и тем самым лишить Соединенные Штаты необходимости проводить и далее свою захватническую политику. А Вьетнам, по его мнению, больше прочих пострадал от американской агрессии. Поэтому профессору кажется весьма символичным вручить именно нам свое изобретение – он назвал его акванон, – чтобы таким образом загладить вину своей страны перед нашим народом.

– Весьма похвальное желание, – пробормотал господин Ву. – Гм, акванон.

Генералу Нгоку показалось, что гость произнес эти слова не без иронии. Но лицо господина Ву было очень серьезно, и слушал он теперь гораздо внимательнее, чем в начале беседы.

– Теперь по поводу того, почему мы скрываем нашего профессора, – переглянувшись с Фьонгом, сказал Нгок. – Во-первых, он сам поставил такое условие. Во-вторых, до той поры, пока его установка не начнет производить топливо, идентичное по своим качествам бензину, никто не должен знать о его работах.

– Не могу с вами не согласиться, – заметил Ву. – Едва эта новость станет достоянием гласности, на нашу землю слетится разведка всех стран НАТО. Да и Россия вряд ли позволит нам единолично пользоваться таким открытием.

– Теперь вы понимаете, – кивнул генерал. – Поэтому с самого начала мы окружили пребывание профессора Брэксмара в нашей стране самой глубокой тайной. Чем меньше людей знают о его работе, тем лучше. Стоит мне, как вы предлагали, сделать доклад на пленуме, и тут же это станет известно нашим врагам.

– Да, вы правы, господин генерал, – снова согласился Ву. – Чем больше людей посвящено в эту тайну, тем меньше вероятность, что она будет оставаться таковой.

– Что знают двое, то знает свинья, – глубокомысленно изрек генерал Фьонг.

Его замечание осталось без ответа. Господни Ву отпил чая, помолчал.

– Почему же вы решили довериться мне?

Генерал Нгок пристально глянул на него.

– Вы, господин Ву, имеете репутацию твердого и честного человека. Вам можно доверять.

– Приятно слышать, господин генерал.

– Кроме того, вы возглавляете нефтедобывающий концерн, господин Ву. Работа профессора Брэксмара близка к завершению. Он просит нас предоставить ему установку гораздо большего размера, чем та, которой он располагает в пещере. Он хочет на промышленном уровне продемонстрировать возможности своего синтезатора. Сами мы не в состоянии собрать агрегат подобного рода. Поэтому нам нужна ваша помощь. Только вы в состоянии, сохранив тайну, помочь нам выполнить требование профессора.

В кабинете повисла долгая пауза. Оба генерала ждали, что скажет гость. Лицо Нгока было невозмутимо. Зато Фьонг не мог скрыть беспокойства.

– В конечном итоге, это ведь нужно нам всем, не так ли? – спросил господин Ву. – Я думаю, товарищи из правительства без сомнения нас простят, когда поймут, какими мотивами мы руководствовались.

– Я рад, что вы именно так это поняли, – улыбнулся генерал Нгок.

– Хорошо, – кивнул господин Ву. – Когда нужно подготовить установку?
– Профессор Брэксмар сообщит дополнительно. Он не хотел бы начинать широкие испытания до того, как доведет свой синтезатор до совершенства.

– Сколько же ждать?

– Точно он не знает. По его словам, полгода, максимум – год.

– Хорошо. Мы будем готовы.

– Следует ли это понимать, что вы согласны сотрудничать с нами?

– Да, – коротко ответил Ву. – Как только профессор будет готов, дайте мне знать. И сразу начнем собирать синтезатор.

– Я очень рад, что нам удалось договориться, – просветлел генерал Нгок.

– А уж как рад я, и слов нет, – вмешался генерал Фьюнг, истомленный молчанием. – Этот синтезатор, господин Ву, даст нам такие козыри, какие американцам и не снились. Мы начнем продавать всему миру самое дешевое топливо в любом количестве. И поставим этих проклятых янки на колени! Их экономика и так похожа на мыльный пузырь. А когда мы выйдем из-под их ног золотого тельца в виде нефти, которую они воруют по всему миру, они лопнут в один миг. Вспомнят тогда нашу Сонгми... (деревня, сожженная вместе с жителями американскими солдатами в 1968 г. – *Прим.*)

Старый генерал задохнулся от нахлынувших чувств и замолчал.

Господин Ву выслушал его с невозмутимым видом. Зато генерал Нгок, кажется, был не очень доволен пылкой речью своего товарища. Впрочем, по его лицу трудно было разобрать, о чем он сейчас думает.

– Вот копия записи испытаний, – протянул он диску господину Ву. – Я думаю, вы захотите еще раз ознакомиться с подробностями эксперимента.

– Конечно, генерал. Благодарю.

Господин Ву положил диск в карман пиджака.

– Разрешите мне на этом откланяться, – поднялся он со своего места. – Хотел бы задержаться, но не могу. Дела.

Поднялись и оба генерала.

– Итак, мы можем на вас рассчитывать? – спросил на прощание генерал Нгок.

– Всецело, – твердо сказал господин Ву. – Во всех смыслах. Всего хорошего, господа. И – благодарю за доверие. Поверьте, я сумею его оценить.

Он осторожно пожал обоим генералам руки и вышел из кабинета. Когда дверь за ним закрылась, генерал Нгок перевел взгляд на генерала Фьюнга.

– Мне кажется, дорогой друг, вы были несколько излишне откровенны.

США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ

Когда запись подошла к концу, Алан Спунер, шеф Юго-Восточного отдела, шелкнул клавишей компьютера и посмотрел на обоих своих собеседников.

– Ну, что скажете, господа? – внушительно спросил он.

Внушительности тона соответствовал и облик Спунера. Он был еще далеко не стар, с могучими плечами и атлетической шеей. За последние годы у него обозначилось солидное брюшко, но это не уменьшало ощущения властной силы, идущей от него. Впрочем, взгляд у него был вкрадчивый, как у лисы, и голос, когда требовалось, звучал слаще меда.

– Запись подлинная, мистер Спунер? – тыча в стоящий перед ним экран ноутбука, спросил Тед Маршалл, начальник оперативного отдела, подвижный легковес-холерик, одетый в нарочитом спортивном стиле.

– Подлинная, Тед. Можешь не сомневаться.

– От кого поступила? Источник надежный?

– Надежней не бывает. Это наш проверенный агент, и внедрен он очень глубоко.

– Тогда, мне кажется, не мешало бы нам наведаться в эту милую пещерку.

Спунер кивнул и взглянул на Пола Орсак, своего главного аналитика.

– Твое мнение, Пол?

– Сдается мне, этот профессор затеял грандиозное дельце, – неторопливо сказал Орсак, полный блондин в светлом костюме. – То, что обычная вода после десятиминутной обработки способна запустить двигатель и поддерживать его в рабочем состоянии, уже говорит о многом. Этот профессор – гений, нет сомнений. Одного не понимаю: какого черта он сунулся со своим изобретением к вьетнамцам? Он же стопроцентный американец.

– А может, это липа? – вставил Тед, вертя головой.

– Смысл? – вскинул тяжелый подбородок Спунер.

– Провокация. Хотят, чтобы мы купились и послали своих людей. А там их уже будут ждать вьетнамские товарищи.

Тед неприятно осклабился, показывая неровные зубы.

– Исключено, – твердо возразил Спунер. – Источник, предоставивший мне эту запись, уверен, что подделки быть не может. Кроме того, мы навели кой-какие справки относительно профессора Питера Брэксмара. Он ветеран Вьетнама. Полгода был в плену. Когда вернулся в Штаты, стал ярым противником войны. Выступал на демонстрациях пацифистов и все такое. Потом затих, работал в Чикагском университете.

– Чем он там занимался? – спросил Орсак.

– Какой-то фигней, связанной с гидротехникой.

– И что же, не было ничего известно о его опытах по превращению воды в горючее?

– Представьте, ничего. Ковырялся себе в лаборатории, как все эти ученые, но и только. Последние годы жил у себя на ферме, и, естественно, никто понятия не имел, что он там делает.

– Где находится ферма? – спросил Орсак.

– В лесу, возле залива Мэн.

– Ему нужна была морская вода для опытов. Много воды. И отсутствие посторонних.

– Умеет прятать концы в воду, – скаламбурил Тед Маршалл, скаля зубы.

– Похоже, он хорошо все обдумал, – заметил аналитик.

– Очень хорошо, Пол, – кивнул Спунер. – И время у него было.

– Про...ли профессора, – подытожил Тед Маршалл, не стесняясь присутствующих.

– Эта старая сволочь, видите ли, считает, что Штаты виноваты перед Вьетнамом, – сказал, играя желваками, Спунер, – и желает искупить вину, подарив ему свое изобретение.

– Хорошенький подарок, – усмехнулся Орсак.

– Но это не все. Со своим проектом он вышел на генерала Нгока, некогда державшего его в плену.

– Встреча старых друзей?

– Что-то вроде того. Нгок не дал Брэксмару загнуться в плену, ну и тот не забыл спасителя.

– Просто залиться слезами, – хихикнул Маршалл.

– Когда это произошло? – уточнил Орсак.

– Примерно год назад. Естественно, Нгок уцепился за предложение Брэксмара двумя руками. Сохраняя все в строгой тайне, военные организовали Брэксмару лабораторию в пещере, где тот и продолжил свои опыты.

– То есть о разработке Брэксмара знает только генерал Нгок? – сообразил Тед Маршалл.

– Ну, и еще один генерал, соратник Нгока по войне. Некто генерал Фьюнг. Но никого более, включая правительство, генералы в известность не поставили.

– Разумно, – одобрил Орсак. – Чем меньше людей знает о пещере, тем больше шансов довести дело до конца.

– Ну да, – кивнул Маршалл, – поэтому и мы целый год ничего об этом не слышали.

– Хуже всего то, что генералов обуяли реваншистские настроения, – сказал Спунер. – Они просто-таки жаждут поставить экономику США на колени, одаряя весь мир баснословно дешевым топливом.

– Черт побери! – воскликнул Тед Маршалл.

– Похоже, что у них есть шансы, – помолчав, сказал Орсак.

– Еще какие, – кивнул Спунер. – Через полгода, максимум через год, Брэксмар закончит свои опыты. Он полагает, что его акванон по своим показателям не будет уступать бензину. Он уже планирует пробное производство акванона в промышленном масштабе. Если его планы осуществятся...

Он замолчал, обводя присутствующих тяжелым взглядом.

– Они не должны осуществиться, – негромко сказал Орсак.

– Само собой! – поддержал его Маршалл. – Хорошенькое дело: Вьетнам начнет из ничего делать бензин. Да нам тогда крышка! Штаты развалятся быстрее, чем «Катрина» разрушила Новый Орлеан.

– Но если мы первые заполучим разработку Брэксмара, у нас в руках окажется грандиозный козырь на случай, когда нефть по всей земле выкачают до последнего барреля, – заметил Орсак.

– Верно, Пол, – кивнул Спунер.

Глаза Теда Маршалла заблестели.

– Когда начинаем операцию, шеф?

– Нам пока неизвестно, где находится пещера, – с досадой ответил Спунер. – Генералы держат ее местоположение в строгой тайне. Надо ждать, когда Брэксмар соизволит предъявить свой синтезатор миру. А это произойдет не раньше, чем он закончит свою работу.

– Мы не можем пассивно ждать, – сказал аналитик. – Нас могут опередить. Те же русские не меньше нашего заинтересованы в том, чтобы отсрочить на как можно более долгий срок появление альтернативного топлива.

– Возможно, они уже ведут поиски пещеры! – воскликнул Тед Маршалл.

– Не исключено, – кивнул Спунер. – У них могут быть свои источники информации. Поэтому, господа, давайте хорошенько подумаем, как нам первыми оказаться в пещере Брэксмара. Тем более что кое-что у нас есть.

16 июня, Таиланд, Паттайя, 15.30

Расправившись с грудой бананов и выпив две чашки кофе, Роман почувствовал, что окончательно проснулся. Телефон пока молчал, но это было и к лучшему. Чем позже Стокк выберется из дому, тем ближе вечер, когда станет чуть прохладнее. Разница даже в два градуса позволяла чувствовать себя гораздо комфортнее в этих широтах, где температура изменялась по шкале от «очень жарко» до «невыносимо жарко», без каких-либо отклонений в сторону «прохладно» или хотя бы «тепло».

В номере тихо гудел кондиционер, создавая максимум комфорта, и вышвыривать свое разнеженное тело в уличное пекло совсем не хотелось. Однако служба есть служба. Как только поступит сигнал от Лака, надо брать ноги в руки и – марш-марш левой.

Вчера Стокк без толку проторчал в ресторане – до половины шестого утра, между прочим, – и вероятность того, что его встреча с резидентом состоится именно сегодня, была очень высока. Затягивать свой визит в Паттайю со стороны бельгийца неосмотрительно. Он слишком заметная фигура. Во всех смыслах. Поэтому Роман предполагал, что не далее как сегодня Стокк выйдет на контакт. Ну а как там сложится дальше, будет видно.

Зазвонил мобильный. Роман глянул на дисплей.

Ага, начальство пожаловало. Подполковник Дубинин, любимый куратор, собственной персоной. Непокойно им с генералом Слепцовым, начальником отдела, в матушке-Москве. Переживают, как бы чего не вышло. Бедные вы мои.

Ну, Дубинин человек свой, он в капитане Морозове уверен, как в себе. А вот о генерале Слепцове этого не скажешь. Он, если в чем и уверен, так это в том, что капитан Морозов в очередной раз выкинет какой-нибудь фортель и подведет его под монастырь, лишив всех выстрадавших сорокалетней службой званий и привилегий. Оттого и отношение к капитану со стороны начальника отдела было, мягко говоря, настороженным.

А если не мягко, то были они с самого начала на ножах. Генерал не мог простить капитану тотального разгильдяйства (читай, повышенной инициативности), склонности к аморальному образу жизни (читай, желания свободное от работы время проводить в точном соответствии со своими вкусами и привычками) и непочтительного отношения лично к нему, ветерану ГРУ (так и читай). Капитан же не любил генерала за скудость мысли, раболепие перед вышестоящими и нудное буквоедство, недопустимое в такой творческой работе, как внешняя разведка. Было, понятно, и еще кое-что, но это уже частности, лишь дополняющие основные положения и потому не требующие каких-то отдельных пояснений.

Тем не менее оба как-то сосуществовали, что лишний раз доказывало верность тезиса о единстве и борьбе противоположностей.

– Слушаю вас, товарищ подполковник, – сказал, сладко потягиваясь, Роман.

– Это я тебя слушаю, Морозов, – вздохнул Дубинин.

Вздох оттого, что ну никак не мог постичь капитан незамысловатых истин армейской субординации. Вот ведь вроде и по форме отвечал, а все не так, как полагалось. Точно не он у Дубинина, а Дубинин у него находился в подчинении и должен был отчитываться в своих действиях. Да еще эти неистребимые барские интонации коренного, до двадцатого колена, москвича. (В Управлении поговаривали, что в родне у капитана числилась сама боярыня Морозова, та самая, суриковская.) Вот и поди, поговори с таким.

Но, надо отдать должное Дубинину, от родословной капитана он не тушевался, как не смущался вообще ни от чего, и спрашивал с подчиненного по полной, снимая, если требовалось, стружку во-от такой толщины. А если и вздыхал порой, то только лишь из дружеского участия. Мол, бьюсь, бьюсь я над тобой, а толку никакого. Как был великовозрастным обалдеем, так и остаешься. И кому, спрашивается, от этого хуже?

– Слушать пока нечего, – заметил Роман, не обратив, как всегда, внимания на вздох начальства. – Клиент гуляет куда хочет и с кем надо пока не встречается.

– Ты уверен?

– Все под контролем, командир!

– Ой ли?

– На что намекаете? – насторожился Роман.

– Да все на то же, – сухо сказал Дубинин. – Не гуляешь ли ты сам куда хочешь в то время, когда клиент встречается, с кем надо?

Роман горько усмехнулся. Все понятно. Происки Слепцова. Намек на что, что «любитель сладкой жизни» капитан Морозов «кинулся в омут наслаждений» (у Слепцова была слабость к пышной риторике) и начисто забыл о задании Родины.

Раньше Роман от подобных намеков взвизывался на дыбы, протестуя и вопия, но со временем по привычке и силы на ненужные оправдания не тратил. Время – арбитр беспристрастный и оттого самый справедливый – все расставляло на свои места. Если Роман Евгеньевич и не дожидался извинений, чего не могло быть в принципе, то отсрочка на неопределенное время его немедленного увольнения, чем грозил Слепцов, была лучшим доказательством его правоты.

– Да, подполковник, – сказал Роман. – Так оно и есть. Я не вылезая из go-go баров, а клиент давно убыл в неизвестном направлении.

– Откуда не вылезает? – спросил Дубинин.

– Так, – теперь уже вздохнул Роман, – из ниоткуда.

– Не выпендривайся, Морозов, – сказал Дубинин скучным голосом. – Дело серьезное, старика уже дергали сверху. Советую собраться.

– Вас понял, товарищ подполковник, – еще скучнее отозвался Роман. – Разрешите идти?

– Куда идти? Ты вообще где сейчас? – мгновенно среагировал Дубинин.

– Я сейчас там, где надо, – твердо ответил Роман и нажал кнопку отбоя, пресекая дальнейшие расспросы дотошного куратора.

Подождал, не перезвонит ли.

Не перезвонил.

Ну, Дубинин! Не может без этих копаний. Вечно желает знать, куда да где. Казенная душа.

Однако и нюх же у него!

В данный момент Роман должен был находиться в непосредственной близости от объекта. То есть сидеть в раскаленной машине невдалеке от бунгало Стокка и ждать, пока тот не соизволит выбраться на свою очередную гастроэротическую прогулку.

По инструкции, это занятие наиважнейшее и строго обязательное. По сути же, наипустейшее и обязательное далеко не всегда. Конечно, если правильно организовать процесс. А поскольку Роман все организовал верно, то и надобности в его сидении не было никакой.

Хватит того, что дежурство несет Лак, парень весьма даже толковый. И, кстати говоря, молодой, что служило достаточным основанием надеяться на его выносливость. К тому же он был местный, и климат никак не влиял на его состояние. Вот почему Роман позволил себе после долгой жаркой ночи завалиться в своем кондиционированном номере в постель и честно выспаться перед очередной не менее жаркой ночью. Прознай об этом в Москве, крику не оберешься. А так и отдохнул, и клиента из-под наблюдения не выпустил. Лаку в опасном деле все равно не участвовать, а себе Роман Евгеньевич нужен был сегодня ночью бодрый и веселый. Получалось, что силы были разделены по наиболее рациональному принципу, о чем Москве вовсе знать не полагалось.

Э-хе-хе, вздохнул Роман. Труды наши тяжкие. А там еще Леня со своим спецзаказом...

Телефон снова ожил. Леня. Легко на помине. Впрочем, о нем Роман не забывал никогда. Даже во сне.

– Здравствуй, Лёньчик, – прощепетал Роман, меняя тональность, по сравнению с предыдущим разговором, на два тона выше.

Выказывал радость, так сказать. В местном языковом колорите. Тут ведь не разговаривали, а пели. Вот и Роман, всегда моментально поддающийся ассимиляции, пошел этим жизнеутверждающим путем.

– А если короче? – спросил Леня, изыясняясь в своей самой что ни на есть обычной тональности – деловитой и довольно-таки хмурой.

Впрочем, случалось, что и он был настроен более игриво, но на то должны были иметься очень веские причины, связанные исключительно со сферой приложения его главных интересов.

Несколько лет назад Роман спас биржевого брокера Леонида Пригова от нескольких лет тюрьмы, а то и от чего похуже. Завязалась дружба, результатом которой стало тесное и взаимовыгодное сотрудничество. Капитан Морозов, используя личные связи и профессиональные навыки, добывал горячую информацию, а Леня использовал ее в своих финансовых манипуляциях.

Поскольку был он человеком без малого выдающимся, то Роман очень быстро вкусил сладость быстрых и больших (для недавнего-то босняка!) денег.

Это, в свою очередь, позволило ему в короткие сроки обзавестись рядом широких привычек, свойственных обеспеченным и холостым людям (когда-то был женат, но жена, прельстившись заокеанскими богатствами, давно и безболезненно его бросила, благо детей и состояния нажить не успели, а любовь исчахла сама по себе).

Именно эти привычки – одно пристрастие к рулетке чего стоило! – генерал Слепцов именовал «сладкой жизнью» и каленым железом пытался выжечь их из подчиненного. Но Роман считал, что, пока закона не нарушает, он может жить так, как ему вздумается, и двумя руками держался за Леню, своего благодетеля и кормильца.

Со своей стороны, Леня полагал, что самой дурной привычкой Романа является его служба в Конторе, и всячески старался его от этой привычки отвратить. Но тут уж Роман стоял насмерть, ибо только в защите Родины видел единственный смысл своей в общем-то непутевой жизни. А без смысла жить русский человек не приучен.

Леня злился (особенно, когда «горел» очередной важный заказ), грозил односторонним расторжением конвенции, язвил не хуже Слепцова, но все же терпел, тешась надеждой когда-нибудь заполучить Романа в свои руки целиком и полностью.

Так Роман и мыкался между двумя начальниками, формальным и теневым, то разрываясь пополам, то вполне удачно гармонизируя ситуацию. Все зависело от того, как ляжет карта, то есть, как всегда, от Ее Величества Удачи. Считать себя баловнем последней Роман вряд ли имел серьезные основания, но все же иной раз достаивался ее благосклонного взора.

– Если короче, то работаю, – выбрал самую осторожную формулировку Роман.

– На кого, Рома? – тут же уточнил Леня.

– Как обычно – на нас, – еще осторожнее ответил Роман.

– «На нас» – с кем? – копал все глубже неутомимый работодатель.

– Ну, Леня, ты же понимаешь, что я сейчас на задании, – пошел в наступление (довольно-таки робкое) Роман. – Временно, конечно. Но это не мешает мне заниматься нашими общими делами...

– Заниматься, Рома, можно онанизмом, – перебил его Леня, бесцеремонный, как все работодатели. – Или вязанием, на худой конец. А дела надо делать.

– Я же не против, Леня...

– Не хватало еще, чтобы ты был против! – возмутился тот. – Три года я тебя кормлю, пою и воспитываю. А ты – против?

– Да нет же, Леня, я совсем не о том...

– А я о том, Рома. Я каждый раз о том и только о том. Другой бы на твоём месте уже двести раз все понял и не вынуждал старого, больного человека повторять снова и снова прописные истины.

– Ну так и не повторяй, – буркнул Роман.

– А, заело! – торжествующе заметил Леня. – Значит, что-то наподобие совести в тебе все-таки шевелится.

Про совесть можно было бы поговорить отдельно. Но Роман предпочитал не трогать сей хрупкой материи. И вообще, Леню лишний раз лучше не заводить. В отличие от Слепцова, он долго грозить не будет, а просто возьмет да и выкинет за борт. И пищи потом, барахтайся, махай руками – поздно. И бесполезно. Так и пойдешь ко дну, пуская пузыри, и кто тебе будет виноват?

Ответ был один, и более чем очевидный, поэтому Роман в подобные моменты норов свой натуго перетягивал веревочкой и ответные реплики из уст своих не исторгал. Пусть уж учит, коли есть охота.

И потом, для кого Леня-сан старается, как не для него?

– Ну что, будем работать, Рома? – помолчав, ласково спросил Леня.

– Будем, – сказал Роман.

– Тогда будь добр, напомни, о чем я тебе говорил перед расставанием?

– Оловянная руда, вольфрам, тиковое дерево, – четко выговорил Роман. – Но в первую очередь – нефть из Сиамского залива...

– Ты моя умница, – одобрил Леня. – Хоть памятью тебя бог не обидел. Ну и что же тебе удалось узнать? Хотя бы не в первую очередь?

– Леня, честное слово, ни минуты не было свободной. Но как только...

– Все с тобой ясно, – холодно произнес благодетель. – Я, конечно, понимаю, что наши дела для тебя вроде стрельбы по тарелочкам...

– Леня, ну зачем ты так!

– Как, Рома?

– Так, как будто я отказываюсь работать.

– Но, Рома, выходит, что это так! Ты вот уже больше суток находишься в таком хлебном месте и, вместо того чтобы порадовать меня толковой информацией, лепечешь что-то невразумительное. А скажи мне, не ты ли третьего дня спустил в казино все свои наличные, а также и безналичные капиталы?

– Ну, не то чтобы все, – снова сдулся Роман.

– А после, – не слушая его, продолжал Леня, – ты будешь сидеть на мели и просить меня выручить тебя «в последний раз». Так, Рома?

– Леня, я все понял!

– Сильно на это надеюсь, – сделав внушительную паузу, сказал Леня. – Когда возьмешься за дело?

– Прямо сейчас, – поспешно ответил Роман.

– Мо-ло-дец. Надеюсь на тебя, Роман Евгеньевич.

– Надейся, Леня!

– Все, пока. Завтра буду звонить.

Последние слова были сказаны не без грозного намека. И попробуй этого намека не учесть!

– Хорошо, Леня. Жду...

Роман хотел присовокупить еще что-нибудь, но трубка уже запикала отбоем.

Ну и ладненько. Все вроде обошлось чинно, без битья посуды и хлестания по щекам. Легкий втык – это баловство, без этого в любой работе никуда. А завтра будет видно, что и как.

Отбросив надоевший мобильник, Роман встал с кровати и неторопливо прошлепал босыми ногами к большущему, от пола до потолка, окну.

Из него открывалась дивная панорама. У горизонта темно-синим стеклом лежала океанская гладь, смыкаясь в необозримой дали с прозрачной небесной лазурью. Белела девственным песочком линия прибоя, вдоль нее густо зеленели взбиваемые бризом кучеряшки пальм. Далее картину несколько портили городские застройки и кишашее транспортом шоссе. Но внизу, под стенами отеля, лежал бассейн, такой чистый, голубой и прохладный, что Роману немедленно захотелось сигануть в него со своего девятого этажа.

Он вышел на балкон, на горячую мраморную плитку, свесился вниз и принялся разглядывать загорающих у бассейна. Зрение у него было еще ого-го, практически орлиное, и он без труда разглядел пару-тройку женских тушек, выгодно выделяющихся из числа других стройностью форм и ровностью загара. Он уже принялся с увлечением намечать приоритетное направление, когда снова зазвонил мобильный.

На этот раз курлыкал он на волне Лака, и Роман понял, что пора выдвигаться. С сожалением оторвавшись от сравнительного анализа, он вернулся в номер и взял трубку.

– Слушаю тебя, Лак, – сказал он строго.

Как-никак, хоть тут он был начальником.

– Они собираются ехать, шеф, – соловьиной трелью прощебетал его молодой помощник.

«Щебетал» Лак, природный таец, на английском, до неузнаваемости коверкая этот благородный язык, и слово «chief» у него выходило скорее как «thief». Роман пытался объяснить подчиненному разницу, но проще было изменить свое отношение к лукавой фонеме, нежели исправить выговор Лака.

«Thief так thief», – решил Роман Евгеньевич, и ни «боссом», ни каким-нибудь там «патроном» величать себя не повелел. В конце концов, не отражало ли это обращение истинную суть его нынешнего задания? Тем более что Лак, по простоте душевной, вкладывал в плохо подающееся ему словцо самый что ни на есть рьяный и чинопочитательный смысл.

– Хорошо. Держись от них неподалеку, – приказал Роман. – Но не светись. Я скоро буду.

– О'кей, шеф, – горячо отозвался Лак. – Но... я и так не включаю днем фары.

Роман не сразу сообразил, что выражение «не светись» его смышленный помощник понял слишком буквально.

– Не светись значит – не лезь им на глаза, – терпеливо пояснил он.

По напряженному молчанию Лака стало понятно, что очередная русская идиома, переведенная на английский язык, ввела бедного тайца в состояние легкого мозгового ступора. А может, и не легкого.

– В общем, поезжай за ними, – торопливо сказал Роман, выбирая самые простые слова из своего словарного запаса. – Я тебя найду.

– О'кей, шеф, – приободрился Лак. – Я буду за ними ехать.

– Едь, – согласился Роман и нажал отбой, чтобы, не дай бог, снова не сбить Лака какой-нибудь непредсказуемой лингвистической каверзой.

Гардероб для выхода был подготовлен заранее, так что облачение в маскхалат не заняло и пяти минут.

Поскольку вчера Роман щеголял в накладной бородке и остроконечных усиках, смахивая на героя-любовника из романов Мериме, то сегодня он решил своей лицевой эпидермис не утруждать и пошел налегке.

Из одежды выбрал туристический минимум: шорты-хаки, бесформенную майку с логотипом Принстонского университета и парусиновые кеды. Плюс дурацкая панама, в которой

узнать его вчерашнего – в цветистой шелковой «гавайке», золотых цепочках и лаковых туфлях – смог бы только гений из отдела биометрической экспертизы.

Переодевшись, Роман пару минут разглядывал себя в зеркало. При этом он немного ссутулился и стал как бы уже в плечах. Зато животик пошло выпятился, а шорты, наоборот, повисли сзади, как на бельевой веревке.

Поиграв лицевыми мускулами, Роман искривил губы кислой ухмылочкой и придал глазам тревожный, голодноватый блеск.

В результате его усилий получился эдакий невзрачный доходяга, изнуренный бдениями в университетской библиотеке и одинокими блужданиями по закоулкам порносайтов вечный студент, которого не любят девушки, и вообще, мало кто любит, и который, отчаявшись реализовать свои фантазии дома, в чопорном Принстоне, прилетел в Паттайю, одну из мировых секс-столиц, на поиски доступной и недорогой любви.

Зафиксировав полученный образ в памяти, чтобы воспользоваться им, когда придет необходимость, Роман вернул себе обычное выражение, расправил плечи, подхватил сумку с дополнительным реквизитом и помчался вниз.

16 июня, Таиланд, Паттайя, 19.20

Сидения в машине избежать не удалось. Правда, стояли в тенике, под пальмами, и ветерок задувал в окна такой, что у Лака ерошились прямые жесткие волосы. Но все равно духота была нестерпимая.

Спасения ради ходили по очереди к морю, окунаясь в теплые волны прямо в одежде, – так, как делают местные жители. Этот способ позволял хотя бы с четверть часа, пока не высохнет одежда, ощущать какое-то подобие прохлады. Но к морю, не привлекая внимания, много не находишься, да и стояли от него неблизко, так что по большей части приходилось терпеть, старательно гоня мысли о горных водопадах и ледяном пиве в высокой стеклянной кружке, густо усыпанной крупными каплями конденсата.

– Сколько он, интересно, еще будет там сидеть? – пробормотал в сердцах Роман, передавая бинокль Лаку и закуривая.

– Не знаю, – жизнерадостно пропел молодой таец.

Он был преисполнен такой щенячьей бодрости, что Роман почувствовал невольное раздражение. Вот ведь, с самого утра парится в этой машине, и хоть бы ему что. Свеж, как зелень на грядке. Лишнее напоминание Роману Евгеньевичу о том, что тридцать девять – не шутка, и разговоры о пользе здорового образа жизни не столь уж пусты, как о том думалось каких-нибудь пару-тройку лет назад.

Как там было у отцов? «А годы летят, наши годы как птицы летят»? Ох уж и летят, сволочи, так летят...

– Он поднялся! – восторженно крикнул Лак.

Задумавшись, Роман вздрогнул и едва не выронил сигарету. Чего орет, идиот, в самое ухо?!

Он сдержал немедленное желание накричать на помощника, понимая, что раздражение вызвано не столько излишним рвением Лака, сколько духотой и ожиданием, и потянулся за биноклем.

– Дай гляну.

Лак отдал бинокль, облизнув в азарте пухлые губы розовым языком.

Парень рожден был для сыска, как сеттер для охоты, и Роман мог поручиться, что сейчас он думает не столько о вознаграждении, сколько о том, чтобы не упустить клиента. Ценный кадр, что и говорить. Люди из посольства работу свою знали и абы кого для серьезного дела не подсовывали.

Впрочем, серьезное дело еще впереди.

Роман навел бинокль на группку отдыхающих, расположившихся под большим красным тентом в трех сотнях метров от машины. Всего отдыхающих было трое, но из них по-настоящему отдыхал только один, а двое других его старательно охраняли.

Сейчас объект охраны – и наблюдения – мистер Стокк, стоя во весь свой огромный рост, растирал обеими руками необъятную грудь и поглядывал на море, лежащее в двух десятках метров от него.

Собрался искупаться, понял Роман. Дело. До того бельгиец битых два часа отлежал в одной позе, то ли откровенно спал, то ли ленился хоть как-то передвинуть свои два центнера живого веса. Бултыхающиеся неподалеку толпы туристов и стайка играющих в мяч девушек не производили на него ни малейшего впечатления. Но наконец и он сподобился сделать вылазку к морю. Привнес хоть какое разнообразие в жизнь, за что Роман мысленно его поблагодарил.

Пока Стокк осторожно брел к воде по белому песку, проваливаясь в него по самую шиколотку, Роман добросовестно изучал колышущиеся складки жира и необъятные трусы бельгийца. Могучий был человечище. Борьба сумо потеряла в нем своего достойного члена. Зато

международная корпорация торговцев оружием нашла, что делало Стокка отнюдь не тем добродушным увальнем, каким он мог показаться со стороны.

По данным Интерпола, Роберт Стокк, бельгиец по происхождению, пятидесяти двух лет от роду, продавал различного вида оружие по крайней мере двум десяткам стран, и это были лишь достоверно известные факты. По данным же Управления, в котором имел честь состоять капитан Морозов, Стокк снабжал своим смертоносным товаром уже не менее четырех десятков стран, и рынок его услуг непрерывно расширялся. Он был важной персоной, этот бельгийский Гаргантюа, и перемещался по миру на личном «Боинге», как и положено крупному бизнесмену.

Впрочем, в последнее время перемещался он редко, поскольку испытывал вполне понятные сложности в отношениях с властями ряда стран. Те (кто раньше, кто позже) получили указания от Интерпола взять его под арест сразу же после приземления самолета в аэропорту, и Стокку приходилось быть предельно осторожным в выборе авиамаршрута.

Но все же в Таиланд бельгиец прилететь рискнул. Тому было причиной следующее обстоятельство: на черный рынок поступила партия новейших ракетных установок, похищенная в одной из горячих точек, и похитители хотели продать ее подороже. Для этого они вышли на Стокка и потребовали в качестве гарантии личной встречи с ним.

Информация заинтересовала бельгийца настолько, что, несмотря на риск, он решился удовлетворить требование противной стороны. Тем более что Таиланд сохранял к нему лояльное отношение и, по данным стокковской агентуры, не торопился, в отличие от многих, засадить его за решетку.

По издавна заведенному самим же Стокком правилу, продавец должен был сначала предоставить ему данные на новый товар, то есть подробные тактико-технические характеристики с приложением чертежей и детальным описанием узлов и механизмов. Все это отлично помещалось на любом из современных носителей, передать который из рук в руки было делом наимпростейшим. Но шутка заключалась в том, что передать его требовалось в руки лично Стокку, и Управление, сильно заинтересованное неизвестной установкой, решило этим моментом воспользоваться и данные на новую разработку у преступного синдиката умыкнуть.

Задача Романа была проста до чрезвычайности. Засечь, какой именно носитель передаст резидент продавца Стокку, после чего любым доступным способом Стокка от этого носителя избавить.

Таким образом, достигались сразу две цели: спугнутый Стокк, мнительный, как все теневые дельцы, отказывается от сделки, что уже само по себе было добрым знаком, а Управление, то есть Россия, получает в свои руки развернутые данные на новейшую ракетную установку. Американскую, между прочим.

Что получал в этом случае Роман Евгеньевич, мы умолчим, поскольку сам он этой темы не любил и предпочитал работать исключительно из идейных соображений. (Для безыдейных существовал Ленья, который переносил основную работу напарника с откровенной неприязнью, хотя, конечно, и с понимаем того, что кто-то таки должен защищать интересы Родины.)

Бельгиец медленно входил в воду. Два телохранителя, такие же рослые, как хозяин, но мускулистые, поджарые, шли по бокам, настороженно разглядывая купающихся. Их манера держать себя, особого рода грация выдавали закаленных бойцов, с которыми лучше не связываться. Один был китаец, второй – типичный римлянин, чье тело своей лепной мускулатурой напоминало изваяния древних атлетов.

– Кит! – восхищенно прошептал Лак, превосходно обходившийся без бинокля.

Это он относительно Стокка, понял Роман. Бельгиец, войдя в море по пояс, вдруг поднял руки, подскочил с ловкостью, удивительной при его габаритах, и всей тушей рухнул на воду. Его телохранителей, бредущих следом, обдало брызгами с головы до ног, и к берегу устремилась не маленькая волна.

– Серьезный человек, – произнес Роман, наблюдая за тем, как Стокк, вынырнув, мощным брассом поплыл в открытое море.

– Большой человек, – вторил ему Лак, как всегда, не обращая внимания на то, что его слова звучат несколько двусмысленно.

Телохранители, гибко скользнув в воду, поплыли за своим боссом, держа головы повыше. Можно было не сомневаться, что в плавках у них припрятано как минимум по ножу.

Еще вчера, понаблюдав за этими двумя, Роман пришел к выводу, что в долгие разбирательства с ними лучше не вступать. Убить человека им ничуть не тяжелее, чем прихлопнуть муху. А потому малейшая ошибка – и смерть.

Правда, могут еще попытаться перед тем, как перерезать горло. Но финал в любом случае предсказуем и крайне неприятен.

Действовать только в обход, сказал себе Роман. Никаких контактов. Лишь в крайнем случае. Но и тогда руками-ногами не махать, а сразу применять оружие и бить наповал. Вариант, конечно, самый нежелательный, но зато самый надежный.

Чтобы отвлечься, Роман на минутку бросил наблюдать за круглой головой Стокка (куда он денется, да еще под присмотром Лака?) и навел бинокль на девушек, играющих в мяч. Узенькие полоски ткани почти ничего не прикрывали, и загорелые до черноты тела были целиком выставлены на обозрение. Роман, уже не в первый раз наводя на них бинокль, подумал о том, что было бы очень неплохо, если бы сегодня вечером вон та брюнетка и вон та блондинка лежали рядом с ним, одна по правую, другая по левую руку соответственно. Ну, или наоборот, что не суть важно. А если еще прихватить рыженькую, то вечер остался бы в памяти надолго. Девушки явились на пляж без сопровождения, и их слишком оживленная манера игры яснее ясного давала понять, что вмешательство симпатичного незнакомца не будет воспринято ими враждебно.

Другое дело, что на все это, в том числе и на вечерние забавы, требовалось немалое количество свободного времени, а им-то как раз Роман Евгеньевич пока и не располагал. Вот если бы, скажем, он встретил их после того, как задание будет выполнено... В этот момент брюнетка – эдакая шоколадка в золотистом бикини – побежала за мячом, мелькая округлыми бедрами, и ее грудь так запрыгала в крошечном лифчике, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из него совсем. Роман невольно подался вперед, думая о том, что если он сейчас сбегает и возьмет номер телефона, то ничего страшного не произойдет. Правда, девушки резвились недалеко от тента, под которым отдыхал Стокк, и попадать в поле зрения телохранителей Роману лишний раз не стоило бы. Но ведь бельгиец и его охрана пока в море, и если все сделать тихо-быстро, то никто ничего не заметит...

– Выходит, – пропел над ухом Лак.

Чертыхнувшись, Роман второй раз за день вынужден был оторваться от увлекательного зрелища и вернуться к основному объекту наблюдения.

Стокк вышел на берег, накинул рубашку и тут же направился к джипу, оставленному на близлежащей автостоянке. На ходу он разговаривал по телефону. Телохранители, уже одетые, шагали за ним.

Роман понял, что до девушек он сегодня не доберется. (Профессионалки из баров не в счет. Сношения с ними до того неприятны, что их можно смело относить на счет работы, к тому же вредной, за которую полагается надбавка к зарплате и бесплатное молоко.) Грустно, но что поделать. Работа для того и существует, чтобы служить препятствием к удовлетворению своих сиюминутных прихотей. А то весь мир только и делал бы, что с утра до вечера изучал Камасутру на практике да прикладывался к стоящей под рукой бутылке.

– Поехали, – сказал Роман своему помощнику, сунув бинокль в бардачок.

Лак уже завел двигатель и ловко вывернулся из парковочного пятка. Джип с объектом еще только покинул стоянку, поэтому Лак не торопился. На небольшой скорости он прибли-

зился к джипу, оставив зазор метров в пятьдесят, и спокойненько покатыл в хвосте, прикрываясь тремя автомобилями и целой сворой мотоциклистов.

– Отличная работа, Лак, – похвалил Роман.

Он, как никто, знал цену похвале, и при случае не скупился на доброе слово. Прекрасный вышел бы начальник отдела, если бы случилась такая оказия. Только вот чтобы она случилась, Роман должен был провкаливать еще лет двадцать. А поскольку на то, чтобы при его работе уцелеть не то что в двадцать, а хотя в ближайшие пять лет, он вряд ли мог рассчитывать, то и некоторым похвальным его качествам, увы, суждено было остаться втуне.

– Спасибо, шеф, – обнажил до ушей белейшие зубы Лак.

Он вцепился в баранку и вел машину со всем вниманием. На дороге было очень неспокойно. Чем дальше отъезжали от пляжа, тем интенсивней становилось движение. Особую опасность представляли мотобайкеры, которых здесь было неисчислимое множество. Они так и норовили вскочить под колеса, и водителям автомобилей приходилось все время быть начеку. Впрочем, последние также не являлись образцом для подражания. Из местных, например, почтения к светофорам не испытывал никто, и если дорожные правила с грехом пополам и соблюдались, то лишь в зоне прямой видимости автоинспектора. В остальном же все ездили как кому заблагорассудится, и оставалось только удивляться, что смертность на дорогах здесь ненамного выше, чем в дисциплинированных европейских странах.

– Он поехал как вчера, – заметил Лак, сворачивая вслед за джипом в один из переулков.

Выросший в Паттае, он чувствовал себя на улицах города абсолютно уверенно и именно по этой причине был допущен за руль.

– Похоже, что так, – согласился Роман.

Судя по маршруту, джип со Стокком направлялся к тому же заведению, в котором бельгиец провел всю минувшую ночь.

Роману это было только на руку. Объект, как и подобает деловому человеку его стиля, отличался абсолютным равнодушием к достопримечательностям. Не интересовали его ни удивительной красоты храмы, ни Золотой Будда, ни зоопарк, ни шоу трансвеститов, ни что-либо другое. Он явился сюда по делу и не собирался напрасно тратить силы, таская свои драгоценные килограммы по затоптанным туристическим тропам. Все, что ему требовалось, он получал в облюбованном ресторанчике недалеко от Walking Street, и Роман не мог не одобрить подобное постоянство. Попался бы какой-нибудь тощий выюн, охочий до разнообразий, замучил бы, бегая по всему городу в пестрой и многолюдной толпе. Поди, угляди за таким. А этот, тихий, солидный, надежный. Одно удовольствие за таким следить. Правда, ты тоже все время на виду. Но тут уж принимались надлежащие меры, в чем, собственно, и заключался профессионализм разведчика. Фокус с перевоплощением – самый эффективный способ остаться незамеченным, а поскольку Роман не был новичком в этих играх, то и для волнений не находил причины.

– Вор! – взвизгнул вдруг Лак.

– Что?! – не понял Роман, встревоженно вертя головой.

Где вор? Какой вор?

В следующую секунду он вспомнил особенности произношения Лака и уже спокойнее глянул на своего возбужденного помощника.

– Что, Лак?

При этом Роман приложил немало усилий, пытаясь не выдать голосом раздражения, которое он испытывал. У доброго начальника вдруг полезли наружу клыки, и он едва удержался, чтобы не пустить их в ход.

– Они остановились!

– Вижу, – проворчал Роман.

Джип притормозил у обочины, возле шеренги продавцов, торгующих с узенького тротуара всякой всячиной.

– Что мне делать, шеф? – вопрошал в легкой панике Лак.

– Прикинься веником – и вперед.

Лак так задрал брови, что они заехали у него в прическу.

– Что?!

Момент был критический: они приближались к джипу, а Лак явно не знал, что ему делать, и тупо пялился на своего начальника.

– Поезжай дальше, только спокойно, – торопливо перевел Роман.

– Хорошо, шеф, – кивнул взмокший от напряжения Лак.

Подсунули неопытного юнца, чертыхнулся про себя Роман, разумея коллег из посольства. А он даже элементарным вещам не обучен. Чуть что, так сразу «шеф!», «шеф!». И добро бы еще – шеф. А то вспоминай каждый раз, кого он имеет в виду. Парень, конечно, славный, но фитиль посольским шутникам вставить не мешало бы.

Лак тем временем аккуратно провел свой незаметный белый «фордик» мимо громады джипа и покатил дальше.

Роман успел заметить, что один из телохранителей, китаец, что-то берет у старика-торговца.

Стокк и второй телохранитель из джипа не выходили.

«А что, если, – всполошился Роман, – старик под видом торговца передает носитель китаец?»

Он с беспокойством обернулся, пытаясь уловить, что именно понадобилось Стокку, поскольку не было сомнений в том, что телохранитель покинул джип по приказу хозяина.

Увидел, что китаец держит в руке не то статуэтку, не то чучело ящерицы и протягивает торговцу деньги. Тот мелко кивал, заискивающе улыбаясь, и осторожно тянул за деньгами тонкие коричневые пальцы.

Нет, вряд ли они рискнули бы осуществить передачу носителя посреди улицы, решил Роман, давая знак Лаку ехать дальше. Улица – место непредсказуемое, а Стокк такого не любил. Скорее всего, он действительно решил купить что-нибудь из изделий местных умельцев. Он был отцом троих детей, этот жирный торговец смертью. Возможно, как заботливый папаша, захотел сделать чадам подарок от местной экзотики. Весьма трогательный поступок.

Роман почувствовал, что объект нравится ему все больше.

– Они едут за нами, – сказал Лак, косясь в зеркало.

– Очень хорошо, – кивнул Роман. – За перекрестком пропустишь их вперед.

– О'кей, шеф, – откликнулся повеселевший Лак.

Роман понял, что паренек сей минутный инцидент воспринял, как нешуточную передрагу, и мысленно пожалел его, не забыв похвалить себя за проявленную выдержку. У всех у нас бывает первый раз, поэтому толика снисходительности, даже в таком серьезном деле, никогда не помешает.

По этому поводу у Слепцова наверняка имелось бы другое мнение, но Роман с мнением Слепцова считался редко, а то и не принимал во внимание вообще. К тому же в возникшей несогласованности действий Роман Евгеньевич отчасти видел и свою вину, и это служило лишним оправданием его молодому помощнику.

После перекрестка Лак искусно прижался к обочине, и джип тут же обогнал их, едва ли обратив внимание на такую мелкоту.

Более ничего неожиданного не случилось, и вскоре джип остановился у знакомого ресторана.

– Все, приехали, – сказал Роман. – Суши весла.

Лак, уже начавший самостоятельно искать место для парковки, вопросительно округлил глаза на шефа.

– Давай, тормози, – яростно махнул рукой Роман, хлопнув по приборной доске. – Стоп!

Лак с испугу слишком резко повернул руль и едва не выскочил на тротуар. Однако молодая реакция его не подвела, и на тормоз он успел нажать до того, как передний бампер врезался в толпу гуляющих. Кто-то издал возмущенный окрик, кто-то смерил лихача суровым взглядом, но в целом аварийная швартовка прошла успешно.

Стокк как раз выбирался из джипа, нащупывая высунутой ногой твердую землю. Оба его телохранителя уже выскочили наружу и заботливо помогали боссу. На отдаленный визг тормозов, едва, кстати, различимый в городском шуме, Римлянин по-волчьи вскинул голову, оценивая возможную опасность. Насторожился и китаец, глядя на напарника. Роман медленно опустился вниз, прячась за приборную доску. Лак, догадливый, сделал вид, что страшно заинтересован вывеской табачного киоска, и вообще стоит тут давным-давно и просто-таки закис от скуки.

Ничего подозрительного не обнаружив, Римлянин снова занялся хозяином, который выбрался наконец из машины и прямым направился в ресторан.

Вскоре все трое исчезли за дверью.

– Ладно, – переведя дыхание, сказал Роман. – Ты пока сиди здесь и будь на связи. Я пойду в ресторан. Если что-то случится, я позвоню по мобильному телефону.

Он так тщательно выбирал слова, что на эту короткую речь у него ушло минуты две. Зато глаза Лака ни разу не осветились идиотическим блеском, а значит, на этот раз он все понял правильно.

Натянув панаму и придав лицу именно то выражение, которое он отрепетировал в номере несколькими часами ранее, Роман выждал несколько минут и направился в ресторан.

Нечего и говорить, что Лак следил за его вхождением в образ с огромным интересом и явным восхищением.

Но Роман был слишком поглощен своей задачей, чтобы замечать реакцию Лака. Еще раз наказав помощнику сидеть на месте и ждать дальнейших указаний, он в последний раз глянул на себя в зеркало и вышел из машины.

По дороге решил проверить, насколько убедителен он в новой роли.

Навстречу как раз шли две юные европейки, и Роман ухмыльнулся им и подмигнул со всей возможной похабностью. Обе они смерили его презрительными взглядами и отвернулись (вчера при подобной ситуации наблюдалось совсем иное поведение – как, в общем, и всегда), из чего Роман заключил, что в образ он попал со стопроцентной точностью.

16 июня, Таиланд, Паттайя, 21.10

Войдя в ресторан, Роман определил местоположение объекта – вчерашнее, в чем он был заранее уверен – и сел на одно из мест в глубине зала.

Отсюда до объекта было метров десять. Неблизко, но и не далеко. В самый раз.

Стокк сидел вполоборота к Роману. Он грузно развалился на диване, прикрыв глаза и поместив обе лопатообразные руки на живот, и был похож на доброго дядюшку, зашедшего с племянниками пообедать.

«Племянники», сидя от него по обе стороны, изучали тем временем присутствующих. Китайцу досталась правая сторона зала, Римлянину левая. Роман попал под юрисдикцию китайца, который и уставился на него своими шелками пристально и недобро.

Что ж, у каждого своя работа, сказал себе Роман и, завидев официанта, махнул ему с той долей неизжитой робости, которая и подобала недотепе-переростку из американского университета. Впрочем, когда официант подошел, он уже справился с робостью и бойко сделал заказ, сопроводив свои слова уверенными жестами. В самом деле, почему это он должен робеть? Янки гуляет, как-никак владелец мира, и нечего ему тут стесняться каких-то полудиких туземцев.

Китаец, несколько минут последив за «американцем», – типичный хам с Запада, трусливый и наглый – потерял к нему интерес и перенес свое внимание на вошедшую парочку, из чего Роман заключил, что остался неузнанным. А большего ему пока и не требовалось.

Официант принес «американцу» коктейль, который тот немедленно принялся жадно хлебать, не отрывая глаз от вертевшихся на сцене полуголых девиц. Это было общее для всех заведений «блюдо». Куда ни зайди, хоть в шикарный ресторан, хоть в крошечный бар, везде будут извиваться в танце практически обнаженные красотки. Поизвивавшись с полчаса, они уступают место другим, те – следующим, и так до бесконечности.

Суть этих танцев проста. Девушки таким образом ищут клиентуру, и зачастую прямо со сцены спускаются в зал, где и обслуживают заказчика тем или иным способом. Правда, кавалер должен сначала угостить девушку напитком. Это обязательно, на этом зиждется процветание всей местной системы общепита. Ну, а затем кавалер может либо подняться с дамой в кабинет наверху, либо получить порцию орального секса – наиболее часто практикуемую форму быстрых сношений – прямо за столом, не сходя с места. Приглушенное освещение и кабинками расположенные места идеально служили для этой цели. Разновидностей подобных заведений было много, но суть их сводилась к одному: удобное и скорое обслуживание всех без исключения гостей солнечной Паттайи.

Роман был уже благодарен Стокку за то, что тот не выбрал в качестве места встречи с резидентом какой-нибудь гей-бар или кафе для любителей трансвеститов. Хоть Роман Евгеньевич и по привычке ко всякому за время своих заграничных командировок (да и Москва-матушка в этом смысле догоняла цивилизованный мир бешеными темпами), но публики этой, жеманной и шумливой, терпеть не мог. Не говоря уже о том, чтобы вступать с ней в какие бы то ни было виды половых контактов. А пришлось бы, маскировки ради. Телохранители белую ворону вычислили бы вмиг, на это у них глаз наметан. Но Стокк оказался нормальным мужиком, за что Роман не мог не испытывать к нему чувства, весьма схожего с обычной человеческой благодарностью.

Официант принес заказ. Роман ограничился следующим выбором: ко мок – паста из креветок с рыбой; као пат – рис с курицей; сангайя – кокосовый пудинг. Были в меню и том ям – острый тайский суп, и суп из акульих плавников, и ласточкино гнездо, и яйца красных муравьев, и черепахи, и змеи, и лягушки, и другие не менее экзотические блюда, но Роман экзотики

в пище не приветствовал, предпочитая что-нибудь попроще, что не обернется сбоем пищеварительной системы в самый неподходящий момент.

Он и на принесенные блюда не спешил налегать. Так, ковырял для вида, больше посасывая соломинку, торчащую из коктейля. Китаец, прочесывая зал, то и дело кидал на него испытующий взгляд, вследствие чего Роману волей-неволей приходилось демонстрировать свое желание «оторваться на все сто». Он уже осушил два бокала и теперь заказывал третий, придерживая официанта за пуговицу на рукаве.

Стокк между тем приступил к трапезе, причем так основательно, что блюда перед ним менялись с непостижимой быстротой. Он поглощал все подряд, без разбору, и всему находилось место в его необъятном брюхе. Ведя за ним непрерывное наблюдение, – хотя со стороны могло показаться, что он занят исключительно созерцанием красоток на сцене, – Роман вскоре потерял счет съеденному бельгийцем. Да и выпито было, кстати сказать, немало. Он со своими тремя коктейлями был точно студент-первокурсник перед матерым усачом-дипломником, сидящим за столом, уставленным батареей пустых бутылок.

Время между тем шло. На часах значились двадцать минут десятого. Стокк все ел, не глядя по сторонам и не особенно интересуясь тем, что происходит на сцене. Оба телохранителя бдительно несли вахту.

Роман на всякий случай позвонил Лаку, сказал, что все спокойно, и пусть Лак по-прежнему сидит на месте. Тот бодро пропел свое «O'key, thief», из чего можно было заключить, что настроение у него превосходное, и он с легкостью просидит в машине хоть до самого утра.

Вечер напоминал вчерашний один в один, не считая того, что сегодня Роман сидел за другим столиком и в другом обличье. Но эти детали были несущественны и перемен в ход событий не вносили. А перемен хотелось. Если Стокк снова без толку просидит полночи, то имеет смысл задуматься, а не для банального ли отдыха он явился в Паттайю? Вон, валяется на пляже, как обычный турист, трескает за пятерых, пьет опять же не воду. Что-то все это навеивает подозрения. Не ошиблись ли в чем-то господа из Центра? Может, никакой такой встречи не планируется? Или она уже состоялась, и Стокк с чистой совестью празднует успешную проведенную операцию? Судя по его поведению, он мало чем озабочен. Или это у них закалка такая специальная, у господ торговцев оружием? Ну да, были бы они нервического склада, в этом бизнесе не устояли бы и неделю. А Стокк уже два десятка лет в передовиках ходит. Не шутка.

Уделяя, в отличие от Стокка, повышенное внимание происходящему на сцене – а для чего, собственно, сюда явился хлюпик-американец? – Роман задержал взгляд на только что вышедшей девушке. В общем, все они, эти местные красотки, были похожи, как родные сестры, особенно для европейского глаза. Но у этой оказался премиленький очерк подбородка, а движения ее тела были удивительно грациозны и гибки.

Роман уже два с половиной часа отсидел сиднем и понимал, что пора сделать заказ, дабы его скромная персона не вызвала подозрения. (Вчера, в образе мачо, он вел себя как жеребец, попавший в табун кобылиц, – и едва, надо сказать, не переусердствовал.)

Девицы, заученно улыбаясь, исправно спускались к заказчикам, и многие из соседей Романа уже либо ушли наверх вместе с облюбованной красавицей, либо обошлись минетом, набираясь сил для другого захода.

Роман пока держался, но это были не те позиции, удержание которых, да еще столь длительное время, можно назвать похвальным. В общем, он имел право делать выбор так долго, как ему хотелось, но весь наличествующий контингент уже прошел полный круг, на большее рассчитывать не приходилось, поэтому следовало определяться.

Вот эта тоненькая, с изящным личиком и красной ленточкой на бедре, Роману понравилась. Не «американцу», которому нравились все без исключения и который от такого изобилия растерялся и никак не мог сделать выбор, а именно Роману. Вчера он ее не видел, а не то обязательно пригласил бы к своему столу.

Что ж, не поздно и сегодня.

Он подозвал стоящего наготове официанта и с кривой усмешечкой указал ему на облюбованную девицу. Краем глаза Роман отметил, что китаец проследил за ним и за официантом. Ничего не скрыть от этих узких глазок. Эдакий желтолицый киборг. Правда, второй был еще хуже. Вчера, когда он «пас» Романа, у того порой возникало чувство, что Римлянин сидит за его столом.

Девушка, профессионально вихляя бедрами, подошла к столу. «Американец» залебезил, неуклюже махая руками и жадно косясь на свою избранницу. Ну еще бы, такая цыпочка. В родном Принстоне девушки, подобные этой, и не глядели в его сторону. А тут, пожалуйста, бери и пользуйся. Причем столько раз, сколько сможешь заплатить. Ну как не обалдеть от такой халявы? Тем более что цены здесь, по сравнению с Америкой, просто смешные.

– Как вас зовут? – спросил Роман, когда официант убежал за коктейлями для него и для девушки. – Вы говорите по-английски?

– Говорить, – кивнула она. – Меня зовут Джей.

У них у всех здесь были американизированные имена. Такая мода. На самом деле она какая-нибудь Нок или Хун. А тут, поди ты, Джей. Ну, Джей так Джей, звучит, во всяком случае, неплохо. Вчера, в числе прочих, Гриззи подвернулась, и ничего, обошлось как-то.

– А сколько вам лет?

– Восемнадцать.

Джей свободно сидела за столом, скаля в улыбке белые зубы. Матовая кожа ее была смуглой, как у всех таек, и пахла чем-то терпким и очень приятным. Грудь размерами напоминала два гандбольных мяча, не без труда втиснутые в кокетливый лифчик. Идеально круглые соски просвечивались сквозь полупрозрачную ткань. Губы были ярко-красные, а черные глаза сверкали раскаленными угольками.

Роман почувствовал томление внизу живота. Девушка определенно ему нравилась.

Официант приволок заказ. «Американец» принялся угощать гостью, неловко и нетерпеливо прикасаясь то к ее руке, то к плечу. Вдобавок под столом он чувствовал ее горячее колено, и это заставляло его суетиться еще больше.

Джей обхватила губами соломинку, лукаво косясь на кавалера. Надо было переходить к делу, но американец совершенно растерялся и не знал, как приступить к главному.

– Вы... ты здесь живешь? – спросил он.

– Да, – кивнул Джей.

– А... ты где-нибудь учишься?

– Да, – снова кивнула девушка.

Она точно не замечала затруднений кавалера. А может, и не замечала. Кто его знает, что ему нужно? Брать быка за рога тут было не принято. Желания клиента прежде всего. Хочет поговорить – пускай поговорит. Может, ему другого и не требуется.

– Я тут в первый раз, – сказал, томясь и мучаясь, бедный турист.

Джей понимающе кивнула, но дальше кивка дело не пошло. Мятный коктейль ей явно нравился, и она тянула его с наслаждением, болтая соломинкой в бокале, как маленькая девочка.

Роман раздумывал, незаметно поглядывая на столик бельгийца, и намеренно затягивал эпизод с гостьей. Мало ли, как могут повернуться события? На случай полицейского расследования ему хотелось остаться в памяти Джей – да и официанта, присматривающего за ними, – тем самым забитым недотепой, личину которого он нацепил.

Но и переигрывать не следовало. Он был достаточно взрослым для того, чтобы сюда прийти, а стало быть, и для того, чтобы самостоятельно заявить о своих желаниях.

– Ты давно здесь работаешь? – задал он стандартный для таких заведений и встреч вопрос.

– Нет, – покачала головой Джей, качая соломинку кончиком языка. – Совсем недавно. Один месяц.

Ну еще бы, скажет она правду. Они все работают тут не больше месяца. А на деле за спиной каждой топорщится лес из эрегированных членов.

И лет ей вовсе не восемнадцать, как установил, присмотревшись, Роман. Это на подиуме, в неоновых бликах, она выглядела так юно. Здесь же, при тусклом свете настольной лампы, она тянула где-то на двадцать три. По местным меркам, возраст для проститутки почтенный. Вчерашний мачо отослал бы ее назад незамедлительно. Но сегодняшней новобранец был без ума от своей избранницы.

– А ты... – американец замялся, бегая глазами по груди и губам девушки. – А это... сколько стоит? Ну... секс?

– Минет триста бат, если на ночь – тысячу пятьсот бат, – просто, точно речь шла о стоимости на фрукты, сказала Джей.

То есть десять долларов и пятьдесят. Вот это да! Знакомый профессор, побывавший здесь в прошлом году, не обманывал относительно местной дешевизны. Это же просто рай какой-то!

– А это, – снова засуетился американец, – если... минет?

Он даже покраснел, выговорив заветное словцо.

Но Джей краснеть не думала, да и вряд ли вообще умела.

– Да? – с готовностью подняла она тонкие брови.

– Куда надо идти?

– Не надо идти, – снисходительно улыбнулась Джей. – Это здесь.

– А... Хорошо. Тогда... как?

– Давай деньги.

– А. Да, да. Вот...

Роман выхватил из кармана пачку местной валюты, принялся отсчитывать, путаясь в купюрах.

Джей равнодушно ждала, досасывая коктейль.

– Вот.

Триста бат легли на стол. Джей молча взяла их, пересчитала, сунула в лифчик. Американец было заерзал, но Джей успокоила его мягким прикосновением руки, приглушила свет настольной лампы и привычно скользнула под стол.

И в этот момент Роман увидел, что за столик бельгийца сел какой-то мужчина.

Джей копошилась между ног, расстегивая ширинку, извлекая член и надевая ртом презерватив. Этом трюку были обучены все девушки, он входил в обязательную программу и исполнялся ими поистине виртуозно. Клиент, как правило, не замечал никаких неудобств.

Но Роман и так ничего не замечал. Все его внимание было приковано к Стокку. Что за мужчина сел к нему? Возможно, это и есть резидент? Вовремя, ничего не скажешь...

Лицом Роман изображал неземное наслаждение. То есть слегка отвесил челюсть и закаптал глаза под лоб. Джей внизу старалась всю, и Роман начал тихо постанывать, давая понять, что старания ее не напрасны.

За столом Стокка между тем происходили какие-то неторопливые, но любопытные действия. Подсевший мужчина не уходил. Телохранители его не трогали, хотя – Роман успел заметить – не преминули тщательно обыскать перед тем, как пустить за стол.

Похоже, это и был долгожданный резидент.

Корчась от невыносимого удовольствия, Роман взял приготовленную заранее крохотную линзу и заученным движением вставил в левый глаз. Со стороны могло показаться, что он лишь провел рукой по лицу. Но в его глазу точно оказалась подзорная труба. Сейчас же Стокк увеличился втрое, и Роман увидел его так же отчетливо, как если бы сидел рядом. Разглядел даже недобритые щетинки под носом бельгийца.

Теперь он видел во всех подробностях все, что происходит за интересующим его столом. Вот толстяк пару раз кивнул, отвечая гостю.

Гость – худощавый, коротко стриженный араб лет тридцати пяти – улыбнулся.

Стокк улыбнулся тоже.

Гость настороженно повел головой.

Роман совсем закрыл глаза, ритмично покачиваясь в такт движениям Джей. Хотя сквозь оставленную в левом глазу щелку продолжал следить за происходящим.

Вот гость, убедившись, что все спокойно – как видно, бдительности телохранителей ему было недостаточно, – сунул руку во внутренний карман пиджака.

Оба телохранителя на всякий случай подались вперед, но Стокк остановил их движением пальца.

Роман почувствовал, что Джей удвоила усилия. Она была сбита с толку. На таких клиентов тратилось обычно не более минуты. Две максимум. А тут, как она ни старалась, результат нулевой.

Более того, Роман почувствовал, что вот-вот может оконфузиться. Происходящее за столом Стокка занимало его настолько, что на Джей попросту ничего не оставалось. Пришлось срочно взять себя в руки – в буквальном смысле – и, действуя в унисон с губами Джей, вернуть заленившемуся органу боевую форму.

Араб достал из кармана мини-диск в дюралевом боксе и положил на стол, возле Стокка.

Тот, секунду поизучав бокс взглядом, словно в чем-то сомневаясь, накрыл его своей громадной ручищей. Однако куда-то прятать не спешил.

Беседа продолжалась.

Так же, как и старания Джей. Роман чуть расслабился, чтобы бедная девушка смогла наконец закончить свою работу. Но внимания не ослаблял. Надо было узнать, куда Стокк прячет диск. Не оставит же он его лежать на столе. Скорее всего, передаст одному из телохранителей. Эти бультерьеры скорее проглотят диск, чем отдадут его кому бы то ни было. Или, что скорее, порвут в клочья каждого, кто возжелает его отнять...

Джей снова отчаянно замотала головой. Роман спохватился, направил вектор внимания на то, что происходило внизу. Он охотнее всего оттащил бы Джей от своего многострадального лона и с миром отпустил, присовокупив за труды еще триста бат, но уж больно удобным было прикрытие. Да и потерпеть оставалось самую малость.

Вот араб, посидев еще несколько минут и прикоснувшись без всякого интереса к чашке с кофе, поднялся и направился к выходу.

Провожая его взглядом, Роман едва не пропустил самое интересное, а именно: когда араб ушел, Стокк взял диск и двумя пальцами опустил в нагрудный карман своей рубашки. Как в сейф положил. И провел ладонью по верху кармана, прижимая «липучку» застежки.

Ну, «липучка» – это мелочь. Это не электронный замок. И даже не карман телохранителя. Вскрыть его – дело одной секунды.

Проблема в другом: как до него добраться?

У Романа Евгеньевича имелся для таких случаев пяток-другой домашних заготовок. Все зависело от того, как поведет себя объект и какие предоставит шансы. То есть исходить нужно было сугубо из обстановки.

Хотя и создавать обстановку искусственно не возбранялось. Главное, не сорвать операцию. А уж как ты будешь изворачиваться, твое личное дело.

Правда, если изобретешь неудачно, это станет уже делом общим, и хорошего тут ждать не приходилось. Слепцов в московском кабинете разберет твои действия по косточкам, и если ты что-то сделал не так, то кара будет безапелляционной и очень суровой.

Поэтому, прежде чем действовать, нужно было все рассчитать тщательным образом.

Чем Роман сейчас и занимался.

Итак.

Гость ушел, и не было никакой уверенности в том, что Стокк и дальше останется сидеть в ресторане. Он свое получил, из чего можно было сделать вывод, что в Паттайе ему задерживаться смысла нет. Значит, сейчас он поедет домой, за вещами, а потом – в аэропорт.

А может, сразу в аэропорт? На кой ему те вещи? Чай, не нищий, чтобы крохоборничать. Тем более что все необходимое он мог взять с собой. Вон, даже сувенир для детишек прихватил по дороге.

Или, наоборот, вернется после сытного ужина в свое бунгало и проспит до утра? Парень он уравновешенный, может спать при любых обстоятельствах.

Или снова будет гулять всю ночь, как и положено любому нормальному мужику, вырвавшегося на пару дней из домашнего плена? Минувшей ночью, как доподлинно зафиксировал Роман, его обслужили пять танцовщиц, причем один раз сразу две полезли к нему под стол. Так что почем знать, не возобновит ли он сегодня свою сексуальную программу?

Кстати, программа гастрономическая тоже была далека до завершения.

Или все-таки двинет в аэропорт?

В общем, вариантов множество, и предугадать все не было никакой возможности. Но кой-какие мысленные рогатки Роман на пути бельгийца уже расставлял, почти не сомневаясь в том, что в какую-нибудь из них тот попадет. Но для начала нужно было покончить с одним небольшим дельцем.

Нанизанная на член, как рыба на крючок, Джей билась из последних сил, в кровь стирая колени. Наверное, она охотнее всего откусила бы упорный орган и убралась восвояси. Но работа есть работа, к тому же клиент уплатил вперед, поэтому несчастная продолжала старательно трудиться, как и положено всякому уважающему себя профессионалу.

Убедившись, что Стокк не трогается с места, Роман вздохнул, закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Положил руку на голову Джей, призывая ее немного сбавить темп. Провел пальцем по ее щеке, по влажным, напряженным губам, по скользкому латексу, ощутил свою разбухшую плоть, жаждущую разрядки – и через несколько секунд застонал уже по-настоящему, к великому облегчению – своему и Джей.

Она вытерла его салфеткой, привела в порядок одежду и вылезла из-под стола, измочаленная, как после марафонского забега. Тяжело положила локти на стол, двигая онемевшими губами. У бедняги не было сил даже поправить спутавшиеся волосы.

«Досталось тебе», – сочувственно подумал Роман.

Он придвинул ей свой коктейль. Она кивнула, вытащила соломинку и выпила коктейль залпом, прополоскав последним глотком зубы. На клиента она не смотрела и начисто забыла про обязательную улыбку.

– Спасибо, Джей, – сказал Роман.

Она кивнула, по-прежнему не глядя на него.

– Ты можешь идти.

Она послушно встала и удалилась – отнюдь не той разухабистой походкой, какой подошла.

Но Роман на нее уже не смотрел. Все его внимание было вновь приковано к столику бельгийца.

Правда, линзу из глаза он вынул. Пользоваться ею больше двадцати минут не рекомендовалось. Начальник техчасти, выдавая оборудование, предупредил, что при передержке можно запросто окриветь, к чертовой бабушке. Изобретение сравнительно новое и, как все новое, несовершенно. Поэтому техника безопасности – прежде всего.

В принципе, все, что было нужно, Роман уже узнал. Диск у Стокка, – точнее, в нагрудном кармане его рубашки. Теперь дожидаться, когда объект надумает покинуть заведение, и выдвигать

гаться следом. И в любом из остановочных пунктов, будь то бунгало, или аэропорт, или что-то еще, входить в контакт.

16 июня, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ, 12. 20

По нахмуренному лицу Спунера подчиненные поняли, что их ждут какие-то новости. «Хреновые», – подумал Тед Маршалл, глянув на глубокую складку между бровей шефа. «Хорошие», – решил Пол Орсак, заметив острый, охотничий блеск в лисьих глазах Спунера.

– Внимание на экран, – сказал шеф.

Заместители впились взглядами в мониторы ноутбуков. На них пошли кадры, сделанные со спутника. Береговая линия. Узкая излучина залива. Горы, поросшие лесом. Камни у воды. Двое мужчин. У одного череп голый, как яйцо. У другого волосы растрепанные и седые. Вот мужчины сели. Седоволосый поднял лицо к небу...

– Это он! – вскричал Маршалл. – Брэксмар!

– Да, похож, – согласился Орсак. – Это он, шеф?

– Он, – кивнул Спунер. – Мы нашли его.

Он выключил запись и со значением посмотрел на своих помощников.

– Два месяца наши спутники прочесывали береговую линию Южного Вьетнама, – сказал Спунер. – Не мне вам объяснять, каких средств это стоило. Из Пентагона уже начали поступать запросы, по какому праву мы так долго используем спутники. Требовали посвятить их в детали операции.

Маршалл недобро усмехнулся.

– Эти зануды только и умеют, что чужими руками жар загребать.

– Вашингтон тоже занервничал, – продолжил Спунер, одобрительно кивнув Маршаллу. – Известие о том, что скоро Вьетнам начнет из воды производить горючее, равнозначное бензину, вызвало там настоящую панику.

– Еще бы не вызвать, – заметил Орсак.

– Поэтому Пентагону закрыли рот и дали нам карт-бланш в привлечении спутников. И вот – результат. Мы все-таки нашли его.

Спунер указал на экран, где замер худошавый старик.

– Экспертиза однозначно показала, что это профессор Брэксмар. Вот здесь – пещера, где он, скорее всего, проводит свои опыты.

– Жаль, что спутник не может заглянуть в пещеру, – хихикнул Маршалл.

– Жаль, – согласился Спунер. – Но тогда что будут делать твои ребята, Тед?

Тот пожал плечами.

– Для моих ребят работа всегда найдется.

– Вот именно. В общем, готовь группу.

– У меня она всегда готова, босс.

– Отлично. Тянуть незачем. Место установлено, следовательно, надо выдвигаться немедленно. Мы и так потратили много времени, отыскивая нору этого чертового гения.

– А может, Брэксмар – обычный шарлатан, который водит за нос глупых вьетнамцев в надежде прослыть у них за мессию? – подал голос Пол Орсак. – Весь этот фокус с превращением воды в топливо легко было подстроить. Серьезной проверки не проводилось. Возможно, акванон и все остальное – блеф?

– Возможно, – вздохнул Спунер. – Кстати, в Белом доме многие придерживаются того же мнения. Но их дело сомневаться, а наше – предоставлять факты. Тед, слушай задачу.

Маршалл обратился в слух.

– Твои ребята должны проникнуть в пещеру, забрать всю документацию, образцы акванона, а также самого профессора.

– А если он не захочет? – спросил Тед.

– Скорее всего не захочет, – уточнил Спунер. – Ну, тогда придется спеленать его и нести на себе.

– Сделаем, шеф. Откуда будем производить заброс? С подлодки?

– В том-то и дело, что с этим проблема. Здесь повсюду мелководье и рифы, субмарине, даже небольшой, не подобраться. Вертолетом тоже рискованно. Весь берег нашпигован ракетами и радарам. Советы в свое время обеспечили вьетнамцев этим добром на сто лет вперед. К тому же не стоит забывать, что проект курируется военными, а эти средств для охраны не пожалеют. Да и шум нам поднимать ни к чему. Поэтому для заброса группы остается только один путь – воздушный.

– Скинем с тридцати тысяч футов – долетят в лучшем виде, – сказал Маршалл. – А что останется, пройдут ножками.

– Точно, Тед, – кивнул Спунер. – И я так подумал. Твои ребята в джунглях не новички, пара десятков миль для них не проблема.

– Ерунда, сэр, – поддакнул Маршалл.

– А эвакуацию проведем вертолетом, – продолжил Спунер. – Один подлет должен пройти без проблем. По ночному времени его не заметят.

– А если заметят, можно и пострелять, – ощерился Маршалл. – Для остратки.

– Там видно будет, – отозвался Спунер. – Придется – постреляем.

– Пол, – обратился он к аналитику, – тебе полсуток на то, чтобы разработать детали операции. Сажай своих умников за компьютеры – и действуйте. Там сложный рельеф, не забывай. Максимальное удаление от места десантирования группы до пещеры должно быть не более двадцати пяти миль. Ближе – опасно, могут засечь. Дальше – долго добираться. Рассчитайте все как можно точнее.

– Есть, шеф, – отозвался Орсак.

– Тед, готовь группу к вылету. Кто у тебя ближе всех к тем местам?

– Рик Олден, шеф.

– Майор Олден? – улыбнулся Спунер.

– Так точно, сэр.

– То, что нужно, – кивнул Спунер. – Где он сейчас?

– На авианосце возле Малайзии, сэр.

– Отлично. Оттуда до Вьетнама рукой подать. Займись инструктажем и общей подготовкой.

– Сейчас и займусь, сэр.

– А я возьму на себя переговоры с вояками. Итого, как всегда, самая черная работа – мне. Подчиненные поддержали шутку вежливым смехом. Все испытывали приятное возбуждение. Дело обещало быть удачным и щедрым на вознаграждения.

– Ладно, господа, давайте за работу, – сказал шеф, когда смех затих. – У нас очень мало времени.

17 июня, Таиланд, Паттайя, 0.40

Роман первым покинул ресторан. Сочтя свое дальнейшее пребывание ненужным (и, в известной степени, вредоносным), он решил посидеть в машине, дожидаясь выхода бельгийца.

К тому же так было удобнее вести наблюдение. Лак, засидевшийся без дела, готов был бдиль хоть всю ночь, и подуставший от трудов праведных Роман Евгеньевич мог при таком напарнике расслабиться и даже маленько вздремнуть.

Поначалу, правда, была у него мыслишка организовать нападение в туалете ресторана. А что, место очень даже удобное. Телохранители Стокка выгоняли из туалета всех посетителей, дежуря у дверей, пока хозяин делал свои дела, и таким образом, количество возможных свидетелей сводилось к минимуму.

Но, неся вахту, «бультерьеры» Стокка были начеку, их врасплох не застанешь, а в одиночку вывести из строя двух опытных, вооруженных до зубов бойцов мог бы разве что супермен в шапке-невидимке.

У Романа вообще-то был при себе «вальтер» двадцать второго калибра с глушителем, однако, подумав, он решил, что в экстренных действиях пока необходимости нет. Имело смысл запастись терпением и подождать. Раз бельгиец не рванул в аэропорт сразу по уходе араба, значит, он не торопился и, скорее всего, собирался вернуться на ночевку в бунгало. (Как заметил Роман, толстяк вообще никогда не торопился.) А именно там, при отсутствии посторонних и наличии отдельной спальни, было самое удобное место для прощупывания заветного кармана.

Вздремнуть Роману не удалось. Не выкурил он и двух сигарет, приводя себя в состояние дремы, как Лак возбужденно запищал: «Thie-ef!»

Роман встряхнулся, поморгал. Вся троица уже подходила к джипу. Быстро расселись по местам и резво покатали... в направлении бунгало, – аэропорт находился в другой стороне.

«Отлично, – подумал Роман, – все идет как по маслу».

– Поехали за ними, – сказал он Лаку, когда джип скрылся в конце улицы. – Только не топись. Никуда они от нас не денутся.

Лак бросил на шефа преданный взгляд и гордо повел свой скромный «фордик» вперед.

Движение на дорогах было слабее, чем днем. Но проезд сильно затруднялся обилием пешеходов, которым мало было места на тротуарах и они фланировали по всей проезжей части.

Сверкали огни баров и ресторанов, переливались рекламные щиты, ярко светили уличные фонари и фары мотобайкеров, пестрая толпа гомонила на всех языках мира – в общем, ночь легко превратилась в день, и, похоже, мало кто заметил разницу.

Джип между тем пропал, как не было. Роман начал опасаться, что Стокк, сделав скидку, как заяц, запутает следы и исчезнет в неизвестном направлении. Он даже поторопил своего помощника, когда ему показалось, что тот чересчур медленно погоняет свою развалюху.

Но Лак приятно удивил. Проехав какими-то темными закоулками, он ловко сократил расстояние и догнал джип на самом выезде из центра.

– Вот они, шеф, – сказал он со счастливой улыбкой.

– Молодец! – одобрил Роман, с облегчением оседая в кресле и закуривая. – Так держать!. Через десять минут они подъехали к бунгало.

Стокк с телохранителями скрылись внутри.

Роман с Лаком, не покидая машины, заняли привычную позицию в полутора сотнях метров, под прикрытием пальм и кустов.

Роман вооружился биноклем и принялся изучать окна бунгало. Почти во всех из них зажегся свет. В том числе и в спальне бельгийца.

Жалюзи были закрыты, что за ними – не разглядеть. Но Роману было достаточно и того, что объект на месте и, вероятнее всего, уединился в своей комнате.

– Я пошел, – сказал он Лаку. – Следи за самым крайним окном. Вот то, справа, видишь?

– Вижу, шеф, – закивал Лак, с готовностью хватаясь за бинокль.

– Если что-то произойдет, не вмешивайся. Я справлюсь сам. Твоя задача – дожидаться меня здесь и сразу завести машину. Ну и следи за ситуацией. Если заметишь что-то подозрительное, дашь знать...

Роман достал из кармана пластиковый шарик переговорного устройства. Лак сделал то же самое. Он вообще с готовностью копировал любые действия шефа, что далеко не всегда вызывало восторг последнего.

– Все, мне пора, – сказал Роман.

– Я хочу с вами шеф, – озадачил вдруг Лак.

Роман мысленно посчитал до пяти – на большее его не хватило – и как можно душевнее сказал:

– Нельзя, Лак. У тебя мало опыта. Ты можешь все испортить. Как-нибудь в другой раз. Хорошо?

– Хорошо, – послушным эхом отозвался помощник.

– Ну и отлично. Держи связь.

Сунув пластиковый шарик себе в ухо – Лак сейчас же сделал то же самое, – Роман вышел из машины и двинулся к бунгалу.

«Тоже, суперагент выискался, – раздраженно думал он. – Теряется в простейшей ситуации, а туда же: возьми его с собой. Чтобы запарол мне задание на корню? Нет уж, дорогой, сиди-ка ты от меня подальше и учись, как надо работать...»

Держась тени, Роман достиг ограды и одним прыжком перемахнул через нее. (Лак наверняка наблюдал этот великолепный прыжок.)

Присел под пышный куст магнолии возле ограды, прислушался.

Ночь стояла дивная. Громадные звезды висели над головой; оглушительно трещали цикады; порхали в свете фонаря бабочки величиной с ладонь. Со стороны моря несло сладковатой вонью канализации. Было душно, как перед грозой, и треск моторов в отдалении напоминал раскаты грома.

Вдруг послышался пронзительный крик, от которого замерло сердце. Со всех сторон его подхватили бешеные вопли. Это развлекались обезьяны. Их здесь было не меньше, чем туристов, и по ночам они устраивали дикий тарарам. Самое время под шумок проверить связь.

– Как слышишь меня, Лак? – произнес Роман специальным «нутряным» голосом, не различимым и с трех шагов.

– Хорошо слышу, шеф, – послышалось восторженное зудение в глубине уха.

Роман поморщился. Если Лак будет так верещать и впредь, то просверлит своему шефу дырку в мозгу. Говорил же неучу, чтобы во время связи не повышал голос. Да, видно, тот уже все позабыл. Ох, молодость, молодость...

– Все, отбой, – сказал Роман, понижая голос и надеясь таким образом напомнить подчиненному об инструкции.

– Понял, отбой, шеф! – еще громче прокричал Лак.

Роман плюнул в сердцах, выковырял шарик из уха и сунул в карман. Чем такая связь, так уж лучше полное молчание. Оно, как известно, золото.

Обезьяны затихли. Зато цикады растрещались на всю округу. Отличный фон для броска. В несколько шагов Роман достиг стены и прижался к темному фундаменту.

Вовремя. Из бунгало вышел китаец. Постоял у раскрытой двери, взглядываясь в темноту. Через равные промежутки времени вспыхивал огонек его сигареты.

Роман уловил запах марихуаны и улыбнулся. Отлично. Парни действительно вернулись на ночевку. Иначе они не позволили бы себе так расслабиться.

Интересно, Римлянин тоже «прошелся по косячку». Или лежит на пороге, перед дверью хозяина, и сурово несет караульную службу?

– Эй, Ли, идем, я не могу пить в одиночку! – послышался голос Римлянина из глубины дома.

– Иду, – отозвался китаец и, отшвырнув окурок, вернулся в дом.

Итак, телохранители заняты чем угодно, но только не своими прямыми обязанностями.

«О'кей» – как выражается полиглот Лак.

Роман переместился под окно спальни и выпрямился. Рама в окне была открыта сантиметров на сорок. Как раз достаточно для того, чтобы проникнуть внутрь.

Бамбуковые жалюзи свисали до самого подоконника.

Роман протянул руку, одним пальцем приподнял легкую дощечку. Увидел широченную спину бельгийца – все в той же рубашке!

Стокк сидел перед ноутбуком и задумчиво щелкал клавишами.

Ага! Не полученный ли диск изучает?

Что ж, изучим вместе.

Роман достал из-за пояса пистолет, потянулся обеими руками вперед, примерился – и рыбкой сиганул через подоконник.

Сопровождаемый легким шорохом потревоженных жалюзи, он совершил классический перекат по полу и через секунду встал за спиной Стокка.

– Не двигаться.

При этом чувствительно вдавил сосиску глушителя в пухлый загривок бельгийца.

Все получилось идеально. Дверь была закрыта, и вряд ли веселящиеся телохранители слышали хоть звук.

Стокк был умным человеком. И бывалым. Он даже не пошевелился. Лишь подался вперед, закрывая грудью экран ноутбука.

– Что вам нужно? – спросил он негромко.

Приятно иметь дело с таким противником. Он сразу понял, что проиграл, и теперь желал как можно быстрее и, главное, с наименьшим ущербом для своего здоровья разрешить ситуацию.

– Диск, – сказал Роман.

– Какой? – немного подумав, спросил Стокк.

– Тот, что вы получили сегодня от араба.

Стокк молчал.

Роман не торопил события. Пара минут в запасе имеется. Пусть немного подумает. Чем тише пройдет операция, тем лучше.

– Я не могу вам его отдать, – сказал бельгиец.

– Почему? – удивился Роман.

– Он нужен мне самому.

– Вы уверены? – не сдержал улыбки Роман.

– Абсолютно.

Невероятно, но толстяк тоже улыбался!

– Тогда я возьму его сам.

– Сомневаюсь.

– Напрасно!

Потеряв терпение, Роман потянулся к карману – и тут же почувствовал, как что-то твердое и холодное уткнулось ему в шею чуть пониже уха.

– Брось оружие, – сказал негромко чей-то неприятный голос.

Твердым и холодным было, несомненно, дуло пистолета. Голос, как спустя секунду дошло до Романа, принадлежал китайцу. С этим было ясно. Но как чертов азиат, который должен был

сейчас оттягиваться в компании Римлянина, оказался вдруг за спиной Романа Евгеньевича?! Вот что трудно было понять.

Но, в любом случае, ловушка сработала.

Роман колебался. Потянуть время, удерживая Стокка под угрозой пистолета? Но что это даст? Они знают, что он не будет стрелять, – и он это знает. Гибель Стокка обернется и его немедленной гибелью, и какой ему в этом прок? Никакого.

Следовательно, блефовать бессмысленно. Они профессионалы, эти игры им известны. У нападающего есть только один вариант: сдать оружие и попытаться выторговать себе жизнь. И насколько он в этом преуспеет, знает только господь бог.

Но все-таки это шанс. Главное – выиграть время. И усыпить бдительность врага. А там что-то придумается, хотя бы один способ спасения всегда есть...

Роман медленно отвел пистолет от затылка Стокка. Сзади протянулась жесткая рука, отняла оружие. При этом ствол, приставленный к затылку незадачливого налетчика, не шелхнулся. Координация у китайца была потрясающей.

– Тони, заходи, – сказал он.

Дверь открылась. Вошел, играя мышцами и помахивая «береттой», Римлянин.

– А, этот, – сказал он. – У тебя собачье чутье, Ли. Зря я тебе не верил.

Роман не видел китайца, но почувствовал, что тот довольно улыбается. Еще бы!

Тони подошел, завел руки Романа за спину, стянул их пластиковыми наручниками. Держал наготове, гад. Значит, не сомневались, чтомышь будет в мышеловке.

Похвальная уверенность.

– Готово, босс.

Пистолет китайца отодвинулся. Хотя это уже ничего не меняло.

Стокк медленно развернулся. Его крохотные глазки уставились на Романа.

– Обыщите его, – приказал он.

Тони принялся обшаривать карманы пленника. Нашел линзу, вставил себе в глаз.

– Вот это да! – восхитился он, вертя головой. – Целый телескоп. Откуда у тебя эта игрушка, малыш? Я таких не видел.

– Дарю, – сказал Роман.

– Что?! – заревел было Римлянин, вытряхивая линзу.

– Тони, время, – вмешался Стокк.

Тони, ругаясь вполголоса, закончил обыск. Шарик переговорного устройства, забившийся в угол глубокого набедренного кармана, он не обнаружил.

– Чисто, босс, – доложил он.

– Связь, – коротко напомнил Стокк.

– Угу, – кивнул Тони.

Он схватил голову Романа и повернул к лампе сначала одной, потом другой стороной, внимательно заглянув в каждое ухо. Не поленился даже пальцем отогнуть козелки. Старательный был парень.

– Ничего, босс. Похоже, он работает в одиночку.

– Тем лучше. Итак, у меня три вопроса, – отрывисто заговорил Стокк, как человек, которого отвлекают по пустякам от важного дела. – Кого ты представляешь? От кого узнал про передачу диска? Как давно за мной следишь? Я слушаю.

Роман пожал плечами, изображая нерешительность.

– Ну...

– Не пытайся тянуть время, – посоветовал Стокк.

– Я тебе сердце вырву, тварь, – пообещал Тони, больно торкнув «береттой» в позвоночник.

– Не стоит пугать его раньше времени, – сказал добродушным тоном бельгиец. – Он и так все нам расскажет. Верно?

Он сделал поощрительный жест своей громадной ладонью. Вышло почти по-французски изыщно.

– Это частный заказ, – начал Роман. – По известным причинам, я не могу сообщить вам имя заказчика. Да это и не играет существенной роли...

Гладкий, как бейсбольная бита, лоб Стокка прорезали огорченные морщины.

– Значит, не хочешь разговаривать нормально?

– Нет, ну почему...

– Ладно, – кивнул Стокк. – Ли, в кухню его. Незачем тут гадить.

Добродушие бельгийца куда-то исчезло. Узкие глазки сверкнули так, что у Романа сжался желудок.

Он хотел что-то сказать, но тут в рот ему туго забила резинковая груша, и он лишь беспомощно замычал.

– Так будет лучше, – удовлетворенно проворчал запасливый Тони, застегивая ремешки «груши» на затылке Романа.

Стокк одобрительно кивнул и повернулся к ноутбуку.

– Босс, вы сами будете с ним разговаривать? – поинтересовался Ли.

– Да, сам, – сказал через плечо Стокк. – Подготовьте его. Только не перестарайтесь.

Тони ухмыльнулся, взял стальной рукой Романа за плечо и подтолкнул к двери.

– Вперед, шутничок.

В сущности, у Романа была только одна надежда: на Лака. Сам он, со связанными руками, в окружении двух головорезов, мало что мог. Да и, по совести говоря, появление неопытного и невооруженного юнца вряд ли напугало бы обоих телохранителей настолько, чтобы они согласились бы тут же отпустить пленника, да еще и с диском в придачу. Но все-таки хоть какая поддержка. Может, Лак догадается вызвать полицию? Полиция – это было бы здорово. Только бы подоспела до того, как начнется допрос с пристрастием.

Но как поставить Лака в известность о своем плачевном положении? На связь не выйдешь, «шарик» работает только при вставленном в ухо положении. К тому же говорить ключевые фразы опасно, эти двое сразу поймут, в чем дело, и примут меры. А Лак намеки понимает плохо.

Кричать во все горло первое, что придет на ум, надеясь, что его крик пройдет сквозь «шарик» и будет понят Лаком правильно? Поздно. С таким кляпом он мог только тупо мычать.

И, что самое скверное, Лак сам вряд ли будет его запрашивать. Роман строго-настрого приказал ему первым на связь не выходить. Разве что увидит что-то подозрительное, тогда...

Итак, из всех надежд оставалась самая хлипкая: «нечто» настрожит Лака, он захочет сообщить об этом шефу и выйдет на связь по своему почину. Не дождавшись ответа, он, естественно, поймет, что у шефа проблемы, и поспешит на выручку.

А если не поймет? Что тогда?.. А если поймет, но не поспешит?! Или даст по газам и умчится куда подальше? Ему-то подставлять свою голову, чай, не с руки...

Вспоминая свое поведение, Роман должен был с запоздалым раскаянием признать, что не всегда в отношениях с молодым коллегой был на высоте и что тот имеет законное право поступать так, как ему вздумается. То есть и последняя надежда имела под собой весьма шаткие основания.

Тем временем Романа приволокли на кухню и усадили на стул. Тони накинул ему на шею петлю из капроновой бечевки и так туго примотал ее через спинку стула к связанным рукам, что Роман не мог шелохнуться, чтобы не причинить себе острую боль или не начать задыхаться.

– Ну вот, теперь можно продолжить разговор, – сказал Тони.

Он встал перед Романом, картинно уперев руки в бока и недобро оскалил зубы. Вводил жертву в панический ужас.

Ноги у жертвы были свободны, и она испытывала страстное желание врезать своему мучителю по гениталиям, благо тот выставил их на обозрение в своих туго обтягивающих джинсах безо всякой опаски.

Ударчик вышел бы хоть куда, за это Роман ручался. Минут на пять Римлянин оставался бы в полной отключке. Но что делать с китайцем, который говорил мало и вообще будто бы держался в тени, но который был вдвое опаснее Тони?

Да и Тони, что-то сообразив, сделал шаг назад.

– Не нравится он мне, Ли, – сообщил своему напарнику.

Тот не ответил. Подойдя к столу, начал молча звякать там металлическими предметами.

Роман, скосив глаза, увидел, что тот держит в руке секач для разделки мяса.

– Хорошая мысль, – кивнул Тони.

Он зашел сбоку, пригнулся и зашипел пленнику в самое ухо.

– Слушай сюда, ублюдок. Мы будем отрубать тебе пальцы, сустав за суставом, пока ты не выложишь нам все, что знаешь. А если нам не хватит пальцев на руках и на ногах, мы перебьем тебе все кости, а потом перейдем на твою симпатичную мордочку...

Роман мычал и моргал, показывая, что он отчаянно напуган: вел свою, пусть слабенькую, но игру.

Кажется, Тони, его игрой остался доволен. Во всяком случае, поток угроз прекратился, и Римлянин убрал свою пахнущую сладким одеколоном, лощеную физиономию от его уха.

Но, увы, здесь был не один Тони.

– Крови будет много, – заметил Ли спокойно. – Кто будет убирать?

Тони озадаченно уставился на приятеля.

– Лучше вот, – показал Ли большую сковороду.

– Раскалить на огне и прижигать кожу? – оживился Тони. – Тоже неплохо.

– Масло, – сказал Ли.

– Э-э?.. – не сразу сообразил тугодум Тони.

Зато Роман сообразил сразу. И почувствовал настоящий ужас. Крупные капли пота выступили на его висках, и видит бог, это уже не было следствием игры.

Только бы не доводить дело до того, как его начнут поливать кипящим маслом! Отрубание пальцев – это баловство по сравнению с предложением китайца.

Проклятый азиат. Роман хоть и не был расистом, но почувствовал жгучую ненависть ко всему, что касалось Востока. Вечно они что-то придумают омерзительное, будто им мало обычных, человеческих пыток.

А Ли уже поставил на стол бутылку с оливковым маслом и зажег газовую конфорку.

– Ну ты голова! – простодушно восхитился Тони. – Я бы не додумался. Оно и правду так лучше. Если просто жечь – вонять будет сильно. А масло – это самое то.

Ли кивнул, щедро налил масла в сковородку и поставил на плиту. Тони даже слегка развернул стул, чтобы Роману было удобнее следить за приготовлениями. Разбирался в психологии, дубина.

– Ну что, дорогуша? – спросил Тони. – Готов ты ответить на вопросы босса?

Роман закивал, дергая за спиной связанными руками. Лицо его побагровело от удушья – петля глубоко врезалась в шею.

– Еще бы, не готов, – согласился разговорчивый Тони. – Я бы соловьем запел. Да не дергайся ты, идиот, задохнешься. Ли, зови босса! Клиент желает говорить.

– Рано, – отозвался китаец.

Он медленно накрывал сковородку с боку на бок, чтобы масло скорее разогрелось.

Роман замычал, стуча ногами в пол.

Китаец даже глазом не повел. Знай, грел себе маслице, ирод узкоглазый.

Огонь под сковородкой пылал жарко, и скоро сильно запахло оливковым маслом. Очень горячим оливковым маслом.

Тони, коротая время, плеснул себе джина на доньшко стакана, кинул одним глотком в рот, закурил. Посмотрел на часы, на напарника.

– Ну что, Ли? Готово угощение?

Над сковородкой курился сизый дымок. Понесло чадом горелого масла.

– Готово.

Китаец снял сковороду с огня, неторопливо поднес к подбородку пленника.

Роману ударило в ноздри жаркой гарью, в глаза полез едкий дым. Он зажмурился, но уши услышали тихое скворчение – и это был очень страшный звук.

– Смотри, – схватил его за волосы Тони. – А ну, смотри!

Роман открыл глаза, стараясь расфокусировать зрение так, чтобы не видеть дымящейся сковороды. Но куда там – китаец поднес ее к самому носу, едва не обжигая раскаленным ободком губы.

По шее Романа, по щекам заструились ручьи пота. Он снова отчаянно замычал, пытаясь отстраниться от ужасной сковороды.

Ли между тем чуть наклонил вперед свое орудие пытки. Масло, дымясь, устремилось к лицу Романа. Вынести это было невозможно. Роман изо всех потянул руки вниз, чтобы придушить себя до того, как на него польется раскаленная жижа.

Но Тони был начеку и подпер его руки коленом.

– Не балуй...

– Слушай меня, – сказал Ли, удерживая сковороду в том же критическом положении. – Если ты не будешь хорошо отвечать на вопросы босса, я буду лить на тебя это масло. Ты хорошо понимаешь?

Роман мелко-мелко закивал. Пот и слезы заливали ему глаза, но он постарался моргать как можно выразительнее, помогая себе щеками. Только бы хоть на несколько минут убрали от него эту чертову сковороду.

– На этот раз я тебе поверю, – сказал китаец. – Но только один раз. Понял меня?

Роман снова закивал и заморгал.

– Смотри, Ли, он уже обмочился, – хмыкнул Тони.

Ли отвел наконец сковородку, глянул на мокрые шорты пленника, кивнул напарнику:

– Зови босса, Тони.

Римлянин устремился в дверь, радуясь смене занятий. Получил возможность перевести дыхание и Роман. Он уже все посчитал и решил, что надо говорить правду. Хотя бы убереечь себя от раскаленного масла, и то для данной ситуации результат.

Китаец, поставив пока сковороду на подставку, курил и молча наблюдал за Романом. Казалось, он пытается проникнуть ему в мозг. Хотел знать, проклятый азиат, насколько сильно напуган пленник. Что обмочился – не показатель, это только легковверного Тони могло впечатлить. Профессионалу годятся любые средства, если надо, он и не такой трюк выкинет. В общем, китаец бдительности не терял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.